

АНЗЯ ЕЗЕРСКА

ГОЛОДНЫЕ СЕРДЦА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО: ДАН БЕРГ

От переводчика

Американская писательница Анзя Езерска (1880 – 1970) родилась в Плонске, что под Варшавой (Российская империя). Она была девятым и младшим ребенком в бедной ортодоксальной еврейской семье. В начале 1890-х годов родители с детьми эмигрировали в Соединенные Штаты Америки и поселились в Нью-Йорке.

Отец посвящал свое время изучению Талмуда, а кормилицей семьи была мать. Помогая ей, юная Анзя трудилась на швейной фабрике. Верный архаичным традициям родитель не одобрял чрезмерной учености женщин, а дочь всеми силами души стремилась к знаниям. Ради продолжения образования девушке пришлось покинуть родительский дом. Езерска окончила педагогический колледж при Колумбийском университете. Поскольку литературный труд не доставлял достаточно средств к существованию, она преподавала в школе, а, переехав в Сан-Франциско, стала социальным работником.

Плодовитому перу писательницы принадлежат рассказы, сценарии для кинофильмов, повести, романы. Ее полная труда и борьбы долгая жизнь окончилась в Онтарио, Калифорния.

Известность Анзе Езерской принес сборник рассказов “Голодные сердца”. Это истории из жизни еврейских иммигрантов конца XIX – начала XX веков, бежавших в Америку от антисемитизма царской России. Никто из беженцев не владел английским языком, зато их умами владели патриархальные воззрения еврейской бедноты Восточной Европы. На новом месте они становились объектом жестокой эксплуатации своих же соплеменников, обосновавшихся в стране десятилетием-двумя раньше. Герои рассказов голодают не только из-за бедности – им не достает любви, сочувствия, понимания. Старшее поколение исправило свое положение лишь долею, но, вытерпев невзгоды иммиграции, оно открыло горизонты детям.

Книга без прикрас изображает тяготы вступления в американскую действительность вчерашних жителей местечек, муки усвоения ими новых и отрешения от старых ценностей. Тем не менее в произведении звучит оптимизм победительной воли к жизни. Персонажи блещут сочной речью и чувством юмора. Рассказы во многом автобиографичны, и не случайно критика называла Анзю Езерску “Золушкой потогонных фабрик”.

В книге отсутствует сионистский дух, и очевиден лояльный взгляд автора на ассимиляцию. Искренне любя веру и традиции своего народа, Езерска ценила в них рациональное начало и отвергала ортодоксию, как камень преткновения на пути к жизненному успеху. Она считала неприемлемым патриархальный уклад еврейской семьи, в которой женщине отводилась роль покорной добытчицы. Женские персонажи Езерской самостоятельны, сильны и энергичны.

В 1922 году в Голливуде режиссер Сэмюэл Голдвин поставил по книге немой фильм. В 2006 году было написано новое музыкальное сопровождение к восстановленной ленте. Думается, творчество Анзи Езерской представляет интерес и по сей день. В современной Америке проживает немало иммигрантов-новичков, соотечественников автора книги. Возможно, прочитав о тяжелых испытаниях вековой давности и сравнив былое с нынешним, унывающие ободрятся.

Крылья

“Сердце в груди моей – словно в тюрьме! Оно жаждет любви – и нет у меня никого!” – возвысила голос Шейна Пейсах, сидя в своей полуподвальной комнате и глядя на улицу сквозь оконное стекло. Тут случилось чудо – солнечный луч прорвался в окно, заявив о начале весны. “Свет и тепло!” – с пафосом воскликнула Шейна Пейсах и протянула руки к посланцу солнца.

Снаружи по тротуару проходили девушки под руку с молодыми людьми. Доносились их довольный смех и веселое щебетание. Молодые женщины катили коляски, слышалось сладкое гугуканье беседовавших с мамашами младенцев. “Я не завистливая, - решительно думала Шейна Пейсах, - но не могу видеть чужое счастье, когда своего нет!”

Она опустилась на стул. “Кому ты плачешься? Кто слышит тебя? Умом что ли тронулась?” – жалила она сердце свое беспощадными вопросами. Солнечный луч согрел ей лицо. Она понемногу успокоилась, принялась размышлять о незадачливой своей судьбе. Шейна Пейсах служанка в этом доме. Ей двадцать два, и она бесприданница. Как ненужную вещь на полке, задвинут ее подальше и не вспомнят о жалком и смешном существе.

“Если Бог послал мне луч солнца, почему не пошлет чуть-чуть удачи, немного счастья? Я великовозрастная и бедная, но все равно я хочу жизни и радости!”

Звонок. Шейна Пейсах открыла дверь. На пороге стоял молодой человек – фантастический персонаж ее томительных снов. Свободный светлый костюм, белая рубашка с открытым воротом, новые ботинки.

- Здравствуйте. Мое имя Джон Барнес, - произнес незнакомец.
- Я – Шейна Пейсах, - дрожащим голосом выдавила из себя девушка.
- Очень приятно. Вы можете показать мне команту, сдаваемую внаем?
- Сейчас, обождите минутку! – засуетилась в поисках ключа Шейна Пейсах.
- Я жду.
- Хозяйка Миссис Стейн вернется только к вечеру. Я все покажу и расскажу.
- Замечательно.
- Миссис Стейн прекрасная кулинарка, вам обеспечены вкусные завтраки и обеды.
- Я смогу поставить здесь настольную лампу? – спросил наниматель, осматривая комнату.
- Конечно. Вы, наверное, учитель или писатель?
- Иногда я читаю лекции.
- Я уверена, что вы непростой человек. Это так возвышенно – читать, учить, писать...
- Откуда вы приехали в Америку?
- Я из России.

Шейна Пейсах с трудом разбирала смысл его слов, лишь с трепетом внимала музыке голоса. А Джон Барнес, молодой университетский преподаватель социологии, готовивший диссертацию о проблемах адаптации переселенцев в Америке, благодарил судьбу, что так вовремя свела его с российской иммигранткой – отличный материал для исследования! Он задавал ей вопросы, пользуясь своим умением побуждать людей открывать сердца.

- И давно вы здесь живете, Шейна?
- Уже два года.
- Я думаю, вы ходите в вечернюю школу?

- Нет! Окуда мне взять время? Мой старый дядя возложил на меня все заботы по дому.
- Значит, вы остаетесь по вечерам с дядей?
- Да. Но я благодарна ему. Он купил мне билет в Америку. Старику нужна моя помощь.
- Вы не боялись уезжать из России?
- Чего мне было бояться? Коровы, за которыми я там ходила, жили сытнее меня.
- Ах, бедное дитя! – вмешалось сострадание в научный процесс.

Кто прежде называл Шейну Пейсах “бедное дитя”? Да еще так сочувственно! Слезы подступили к горлу. Она набралась смелости и посмотрела в лицо молодого мужчины. Какие добрые глаза! Наверное, у него золотое сердце. И как легко с ним говорить!

- Один из квартирантов учил меня английскому языку и подарил книгу.
- Большая удача!
- Когда я читаю ее, я забываю этот мир, у меня вырастают крылья и уносят меня!
- Можно взглянуть на эту чудо-книгу?
- Вот она. Называется “Сны и мечты”!
- Да, я вижу... Вы посещаете библиотеку, Шейна?
- Библиотеку? Нет... Я не знаю...
- Я запишу вас, когда поселюсь здесь!
- Ой, вы серьезно? Вам подходит комната?
- Конечно. Вы приготовите ее к следующей неделе?
- Обязательно!
- Я покажу вам полезные книги, они помогут больше, чем сказки о снах!

Джон Барнес раздумывал о том, как он снабдит девушку учебниками жизни, и они помогут ей найти себя в новой стране. “Тогда у нее действительно вырастут крылья!” - подумал он и преисполнился энтузиазмом ученого, предчувствующего успех эксперимента.

Шейна Пейсах упивалась его словами. Какое счастье: небеса услышали ее молитвы! Забыв церемонии, она схватила его за руку: “О, мистер Барнес! А вы не согласитесь давать мне уроки английского? А я буду вашей прачкой! Говорите со мной – это важнее всех книг на свете!” Он отпрянул, обеспокоившись чрезмерностью эмоций, и сухо подтвердил необходимость изучения языка. Взволнованная Шейна Пейсах не заметила перемены в его голосе. “Как широк диапазон черт характера этих иммигрантов – от раболепия до агрессивности...” – умозаключил на обратном пути молодой социолог.

Джон Барнес ушел, а Шейна Пейсах стояла, как вкопанная и пыталась вспомнить, о чем они говорили. Слова куда-то пропали, и только ощущение счастья переполняло душу. Она витала высоко-высоко над землей – это сны сбывались. Она принесла из кухни к себе в комнату осколок зеркала – теперь его место здесь.

“Этот молодой американец согласился здесь жить из жалости ко мне, или он понял, как огромно мое сердце?” – безответно спросила она себя. “Кто ты такая есть, Шейна Пейсах? Разве нужна ты такому мужчине, как Джон Барнес?” – задала она себе вопросы потруднее. “Если никто из людей не низок настолько, чтобы не удостоиться любви Бога, то человек тем более может меня полюбить!” – нашла она победительный ответ.

“Шейна Пейсах! – раздался сердитый голос дяди, - чего ты стоишь, как чучело? Спишь на ходу! Не слышишь разве – стучат по трубам! Жильцам нужна горячая вода, а у тебя огонь в печи погас!”

Дядин зов мигом столкнул Шейну Пейсах с высоты мечтаний в приземленный каждодневный круговорот. Вновь перед ней ненавистные печь, зола, тлеющие угли – мучительное ярмо обыденности. К вечеру она покончила с работой. Услыхала за дверью пронзительный голос свахи миссис Мелькер – гостя предлагала дяде решение судьбы Шейны Пейсах.

- Мотке, торговец рыбой, вдовец, ищет себе жену, чтобы готовила еду и присматривала за его детьми. Грех упустить такой шанс – прекрасная партия для вашей племянницы! Вы же понимаете: девица в солидных годах и без приданого...

Шейна Пейсах наострила уши.

- Нынче одинокие мужчины не торопятся жениться даже на молодых девушках, - продолжала миссис Мелькер, - им подавай девицу с деньгами. Счастье Шейны, что Мотке любит вкусно поесть, а денег на рестораны у него нет. Он прознал, какая она отличная хозяйка, и готов взять ее без цента за душой!

- Чтоб мне так жить! – взвизгнула миссис Мелькер, бия себя в грудь, - чтоб не видеть мне моих детей женатыми! Я сватаю вам Мотке не ради нескольких его долларов. Я делаю это для бедной сироты! Я женщина и мать, и сердце мое разрывается, когда я вижу неустроенную девушку в ее годы!

- А для меня кто будет готовить еду? – взорвался дядя, - кто станет делать всю работу по дому? Пятьдесят долларов я заплатил за ее билет в Америку! Не слишком ли мало я успел получить взамен?

- Подумайте о Боге! – возмутилась сваха, - девушка живет без отца, без матери. Время торопит. Хотите, чтоб косы ее стали седыми, а она без мужа? В Талмуде нашем сказано – последним куском пожертвуй, но помоги сироте найти пару! Не закрывайте себе дорогу в рай!

- В Америке люди не уповают на Бога и его рай. Каждый должен думать о себе сам! Если я ее отпущу – что станет со мной, и кто будет работать?

- Помогите ей! Пусть она поднимет голову в этом мире! Не можете вы, что ли, податься в дом для престарелых?

- Большие деньги нужны, чтоб получить такое место. Не знаете, как в Америке? Оси не смажешь – колеса не завертятся...

- Выходит, не жалко вам сироту, и не сочувствуете вы родственнице! Все свои молодые годы она задыхалась во тьме, а теперь, когда блеснул луч света...

- А меня кто пожалеет? – прервал дядя свою сердобольную собеседницу, - все-таки, кто этот Мотке? Будет мне место преклонить голову в старости? Где он торгует?

- На Эссекс-стрит, возле Деланси.

- А-а-а-а, так это Мотке Пельц! Знаю, знаю! Говорят, он уморил жену голодом! У него каждый цент надо на коленях вымалывать. Отдать мою бедную Шейну погибать в нищете и с голодухи?

Шейна Пейсах не выдержала. Она ворвалась в комнату к радетелям своего будущего. “Я не сижу на вашей шее, дядя! И не беспокойтесь о моих седых косах, миссис Мелькер! Слава Богу, я в Америке, а не в России. Здесь женщина сама обеспечит себя и проживет без мужа!” Она накинула на голову платок, стремглав выскочила на улицу и побежала куда глаза глядят. Гнев душил ее.

Дядя уже спал, когда Шейна Пейсах вернулась домой. В сумраке газового света лицо его выглядело желтым и жалким. “Бедный старик, - с состраданием подумала она, - что знал он хорошего? Зарабатывал на кусок хлеба – вот и весь его век!” Усталая, она сразу уснула, и ей пришли сладкие видения новой жизни. Утром она вскочила с кровати и почему-то запела песню, которую ребенком слыхала от матери.

Шейна Пейсах каждый час подходила к осколку зеркала, и расплетала косы, и укладывала свои пышные волосы по-новому, и вновь заплетала их. Ей очень хотелось соорудить прическу, как у дочери домовладелицы.

“Ой-вей! Как ужасна моя одежда! – воскликнула Шейна Пейсах, трагически заломив руки, - мне необходимо купить новое платье и носить шляпу вместо обтрепанного платка! Какой американец согласится пойти рядом с девушкой, одетой в лохмотья? Теперь моя жизнь зависит от того, как я буду выглядеть в глазах мистера Джона Барнеса!”

“Где взять деньги? Нет ни родителей, ни друзей, чтобы помочь, - запричитала Шейна Пейсах, - заложить разве пуховую перину? Стыдись, Шейна! Ведь это единственная память о матери! Нет, ты не права, Шейна! Чего бы не сделала мама ради твоего счастья?” Рассуждая сама с собой в таком духе, она приняла, наконец, решение.

Хозяин ломбарда мистер Зарецки был занят подсчетом дневной выручки, когда Шейна Пейсах вошла в его сумрачные владения с огромным свертком в руках и положила на алтарь перед ним свою жертву. В волнении она перебирала пальцами бахрому выдавшего виды платка.

Скупщик поднял на девушку серое лицо. “Ну, - ощупывая перину проскрипел Зарецки, и опытные пальцы признали несомненное достоинство вещи, - сколько вы просите за это?” Дьявольский блеск корыстных глаз парализовал Шейну Пейсах, и она стояла молча, боясь вымолвить слово.

“Пять долларов!” – сказал Зарецки. “Пять долларов?” – пролепетала Шейна Пейсах. Дрожащими пальцами она стала сворачивать свое богатство, готовая сбежать из царства алчности и обмана. С полок на нее глядели сотни вещей, и ей казалось, она слышит вздохи и стоны попавших в беду владельцев часов, самоваров, браслетов, серег, колец, шуб.

Робость девушки тронула Зарецкого. Она не торговалась, как другие, не бунтовала, не стыдила его – только беспомощно молчала. “Зачем вы закладываете перину? Кто-нибудь заболел в семье?” – спросил скупщик. Шейна Пейсах ответила невпопад. “Мама моя собирала перо к перу, она начала это делать, когда я была еще в колыбели...”

Скупщик не стал ни о чем больше спрашивать. Он проявил широту души. “Даю вам десять долларов! Вы довольны?” Шейна Пейсах радостно выхватила из его рук деньги. “Ой, мистер Зарецки, вам воздастся за доброту!” – воскликнула она и выпорхнула из ломбарда.

Следующим вечером Шейна Пейсах отправилась за покупками. На одной из витрин она углядела великолепную соломенную шляпу, украшенную алыми матерчатыми вишнями. “Это то, что мне нужно!” – подумала она и через минуту приняла поздравления продавщицы с обновой. Красный цвет вишен пробудил в ней воспоминания о цветущих полях и лесах России. Да, ей подойдет платье цвета российских просторов – зеленое, и чем ярче, тем лучше. И она выбрала себе именно такое, с пояском и с кружевами. “Только быть красивой, только быть красивой, - повторяла она, - не для себя – для него!”

Шейна Пейсах считала дни, часы, минуты до прихода мистера Джона Барнеса. Нарядившись, она сидела в своей комнате и, сгорая от нетерпения, глядела через окно на крыльцо. И вот он появился. Ей хотелось броситься ему навстречу, крикнуть на весь мир, как заждалось голодное сердце. Конечно, она этого не сделала. А он поднялся в свою комнату, пройдя мимо ее двери. И еще день, и еще два дня она, сидя в новом платье и в шляпе, наблюдала за ним из своего укрытия и надеялась, что он вспомнит о ней.

Утомленная бесплодным ожиданием, на сей раз Шейна Пейсах не нарядилась. И вот тут-то свершилось – она услышала звонок! Он вошел, смущенно спросил, не передумала ли она идти с ним в библиотеку. Как она обрадовалась! Договорились на завтрашний вечер. Прощаясь, он поймал ее взгляд – так смотрит бездомная собака, молящая о внимании. “Несчастные иммигранты, - подумал он, - как, должно быть, она одинока!”

“Он не забыл! – ликовала Шейна Пейсах, - голос его уносит меня в небеса! Я снова живу, и солнце светит!”

Задолго до назначенного времени Шейна Пейсах надела новый наряд – быть красивой для Джона Барнеса! С нетерпением глядела на часы. Стрелки двигались необычно медленно, зато каждый щелчок механизма приближал встречу.

Шейна Пейсах репетировала приветственные слова: “С вашей стороны, мистер Джон Барнес, было чрезвычайно любезно уделить немного времени... – нет, это не годится! Я начну так: я не нахожу слов благодарности, мистер Джон Барнес, за вашу готовность снизойти... – и это плохо! Боже, почему я не могу сказать то, что думаю: вы ангел небесный, вы спасли мне жизнь, я счастливее вольной птицы...”

Но вот раздался звонок. Трепеща всем существом, Шейна Пейсах открыла дверь, и мистер Джон Барнес стоял на пороге!

- Вы преобразились, вы расцвели, Шейна!
- Да, это моя первая американская одежда! – сияя гордостью воскликнула она.
- Отлично! Вы выглядите американкой, осталось стать ею!
- Вы поможете мне? – в глазах ее светилось безграничное доверие.
- Да... Вы думали, что вам нужно предпринять? – спросил он, когда они вышли из дома.
- Не знаю. Я хочу удрать из этого подвала.
- Вы бы хотели научиться профессии? На фабрике, скажем.
- Научиться? О, я страшно хочу учиться. Только дайте мне совет!
- К чему ваши руки хорошо приспособлены?
- По-моему – ко всему! Вы не думаете, что мне стоит поискать занятие для головы?
- Мы обсудим это, когда вы прочтаете книгу, помогающую обнаруживать способности.
- Какая тишина! – прошептала она, входя в библиотеку, - это лучшая музыка!
- В тихом этом месте громко говорит только мудрость книг, - весело заметил ее спутник.
- Какие умные лица у этих нарядных женщин! – прошептала она, разглядывая читательниц.
- Умное лицо поважнее наряда...

Девушка за служебным столом пригласила их подойти. Помогая подопечной, мистер Барнес принялся заполнять ее читательскую анкету. Шейна Пейсах тем временем разглядывала неброскую одежду библиотекарши. Тревога закралась в ее душу. “Что он имел в виду, говоря об умных лицах и нарядах? Вдруг, ему не понравилось мое платье? Или шляпа? Слишком яркие?”

По разговору, который вели мистер Барнес и девушка, Шейна Пейсах поняла что эти двое принадлежат к одному общему для них миру, а она – к другому. Шейна Пейсах с завистью уставилась на ухоженные руки библиотекарши. Ставя свою подпись на анкетном листе, она старалась закрыть головой и плечами свои красные пальцы с трещинами на коже и чернотой под ногтями.

- Я весь день провел в помещении. Вы не против прогуляться на свежем воздухе, - спросил мистер Барнес, когда они вышли из библиотеки.

- Я не против! – эхом поспешила ответить Шейна Пейсах, ведь это было ее самое большое желание в этот момент.

- Если вам по силам, мы можем дойти до причала.

- С радостью! Я как на празднике. Я в первый раз вижу Америку! – сказала Шейна Пейсах и смело взяла под руку мистера Джона Барнеса.

Молодому ученому пришла в голову новая мысль: даже в этом грязном и шумном гетто, где измученные борьбой люди заняты, казалось бы, только суровым добыванием хлеба насущного, можно встретить трепещущее радостью существо. “Неужели за два года в Америке никто не показал вам нашу страну?” – спросил он. “У меня никогда никого не было, но то, что происходит со мной сейчас – прекраснее всякого сна!”

Света луны и звезд доставало мистеру Барнесу, чтобы видеть праздник в глазах спутницы. Они дошли до конца причала. Голоса вдалеке почти не доносились до них. Они одни. Шейна Пейсах украдкой взглянула на его прямые широкие плечи. “Как силен, добр, хорош!” – мелькнуло у нее в голове. Она невольно потянулась к нему, прижалась. “Ах, бедняжка, вы так одиноки!” – охваченный состраданием проговорил он, открывая объятия и привлекая ее к себе. Душа ее таяла, и тело уносилось ввысь...

Минуло три дня с памятного вечера. Джон Барнес не появлялся. Он исчез, как сон, но разве это был сон? О, нет! Ничего более реального не случилось до сих пор с Шейной Пейсах! Скорее, все остальное следовало бы назвать сном. В ее ушах звучал его голос, губы хранили тепло поцелуев, и сердце сладко ныло от любви – заглянувшей случайно гостью. “Ах, бедняжка, вы так одиноки...” – жалостливость этих слов огорчала ее.

Она думала о нем днем и ночью. Мысленно она сочиняла ему письма и мысленно отправляла их. Она вздрагивала от шагов, от стука – не он ли? Пришла очередь уборки второго этажа – там комната Джона Барнеса. Она зашла. Здесь его вещи, одежда. Она погрузилась в сладкие мечты.

И тут он вошел. Лицо мрачно, отводит взгляд. Руки висят, как плети, а она думала, они обнимут ее! Слепленная отчаянием, она хотела броситься вон из комнаты. Он остановил ее. “Как джентльмен, я обязан извиниться перед вами, Шейна. Случившееся в тот вечер – минутная моя слабость. Это не повторится и ...” Она не дослушала, убежала стремглав, сгорая от стыда.

“Боже праведный, - воскликнул он, оставшись один в комате, - она поняла все не так, и бесполезно объяснять ей. Я должен немедленно убраться из этого дома. Чистая совесть дороже диссертации. Честность – первая добродетель ученого!”

Шейна Пейсах видела через окно, как Джон Барнес выходит с чемоданом. Ей хотелось крикнуть: “Не покидай меня! Ты единственный луч света, и нет другого!” Она не кричала, она шептала эти слова сухими своими губами. “Ой-вей, для него все было иначе, все было ничем. Я не леди, я не подхожу ему. Он сказал о себе – джентльмен. Что это значит? Джентльмен – это тот, кто не умеет любить!”

Шейна Пейсах сидела на кровати, охватив голову руками, думала о своей жизни. Она не умела подолгу отчаиваться. “Нет, я ничего не потеряла, я только нашла. Я еще покажу ему, кто я есть! Я вычусь, мне не стыдно бедет смотреть ему в глаза, я стану ему под пару!”

Шейна Пейсах просидела всю ночь, размышляя и строя громадные планы. Утром луч солнца ворвался в комнату и принят был с радостью. “Ты должна быть благодарна мистеру Джону

Барнесу! – воскликнула Шейна Пейсах, - он сделал для тебя бесконечно много – он дал тебе крылья!”

Голод

Служанка Шейна Пейсах с утра мыла лестницы в доме. Остановилась передохнуть. Она сирота, иммигрантка из России, живет в Нью-Йорке у своего дяди-благодетеля. Ей двадцать два года, она засиделась в девушках, и нет у нее приданого.

Случилось однажды чудо – в душевный сумрак Шейны Пейсах прорвался горячий луч света и растопил лед безысходности молодого сердца. В доме нанял комнату молодой университетский ученый Джон Барнес. Предмет его диссертации требовал изучения жизни иммигрантов, поэтому общение с Шейной Пейсах сулило ценный научный материал.

Шейна Пейсах облокотилась на перила недомытой лестницы, задумалась, лицо ее приняло сладко-мечтательное выражение. Она вспоминала мистера Джона Барнеса: он уважительно, как с равной, говорил с ней, он привел ее в библиотеку, и, наконец, он обнял и поцеловал ее! Незабываемый вечер, весна, любовь – первый романтический эпизод в жизни девушки. Покидая Шейну Пейсах, сей джентльмен дал ей крылья. Они унесут ее ввысь, она вырвется из душного мира, вечно пахнувшего селедкой и луком.

“Он – стук моего сердца, он молитва моя! – мысленно твердила себе Шейна Пейсах, - да, он значит для меня безмерно много, но я – кто я для него? Никто! Не пора ли выбросить из головы пустые мечты? О, нет, неразумная Шейна! Так мало радости ты знала, и вдруг забыть его? Что есть у тебя? Убогая полуподвальная комната, где ты живешь? Лохмотья, в которых ты ходишь? Ведро и тряпка? Работа, за которой ты прячешься от самой себя?”

- Шейна Пейсах, чтоб тебе гореть в аду! – раздался вопль ее дяди Мойше Рифкина, - сколько времени нужно, чтобы вымыть лестницы? Вчера твои котлеты обуглились, а сегодня в супе нет соли!

- Из-за щепотки соли вы поднимаете шум, дядя?

- В Талмуде сказано, что муж может изгнать жену всего лишь за то, что она недосолила пищу! А ты вообще не солила суп!

- Я не знаток Талмуда, зато теперь я знаю, отчего так рано умерла бедная тетя Гитл, мир праху ее – вы, дядя, поедом ели бедную. Без соли!

- Придержи свой длинный язык! Почему не нарезала мне селедку с луком?

- Забыла... – устыдилась Шейна Пейсах и в душе пожалела старика: все его радости – поесть да в синагогу пойти.

- Чего ты только не забываешь? Спишь на ходу!

- Возьмите себе еще одну служанку, дядя! – воскликнула она, и жалость сменилась досадой.

- Я спас тебя от голода в России, и так ты благодаришь меня?

- Оставьте попреки! Я тружусь два года и не получила от вас ни цента!

- Денег тебе надо? Вспомни-ка: в России ты ходила босая, а сейчас ты сыта, одета и обута!

- Не я одна, все приехали в Америку без гроша за душой, но работают за зарплату!

- Билет для тебя стоил мне пятьдесят долларов. Должна мне быть от этого польза или нет?

Шейна Пейсах промолчала в ответ. Гнев переполнял ее сердце. “Все, это конец! Я не останусь больше в этом доме!” – твердо решила она. Дядя Мойше и тетя Гитл приехали в Новый Свет еще до ее рождения. Она думала, что они купили для нее билет в Америку из желания дать ей,

сироте, надежду на лучшую жизнь. Прибыв в Нью-Йорк, она увидела смертельно больную тетю, а работа служанки пожирала время и покушалась на душу. Если худое можно исправить, то к чему терпение?

“Сегодня вы кричали на меня в последний раз, дядя! Я ухожу!” С этими словам Шейна Пейсах выскочила за дверь. Она мчалась по улицам, сама не зная куда. “Кому я нужна? У меня никого нет! Лучше б мой корабль в Америку потонул!” Но тут она вспомнила мистера Джона Барнеса. Он появился перед ее мысленным взором – это добрый знак. “Нет, я не пропаду! Я должна выдержать все. Я подумала о нем – значит спасение непременно придет!”

И верно! Она увидела на воротах объявление: “Требуются рабочие руки”. Шейна Пейсах взглянула на свои руки – рабочие! Сильные от тяжелого труда. Отгоняя страхи и сомнения, она взбежала по ступенькам. “Братья Коэн” – надпись на железной двери. “Ничего не бойся! – прикрикнула на себя Шейна Пейсах, - ты не милостыню просишь, ты предлагаешь рабочие руки! Начнешь зарабатывать деньги, оденешься по-американски, и мужчины будут у твоих ног. И даже он...”

Шейна Пейсах распахнула дверь. Фабрика. Море людей. Склоненные над работой головы. Шум вертящихся колес, стрекотание швейных машин – все звуки соединились в единый оркестр. Новый Свет, новая жизнь, Америка!

Человек за столом неподалеку от входа аккуратно складывал в кипу рубашки. Он поднял глаза на вошедшую, и ее сияющие глаза и бесхитростный взгляд напомнили ему о просторах его былой родины. “Землячка! – мелькнула у него в голове, - однако, совсем юна!”

- Я прочитала – требуются рабочие руки, - произнесла Шейна Пейсах вместо приветствия.
- Вы ищете работу? – спросил он, с любопытством разглядывая вошедшую.
- Ищу!
- Вы недавно в Америке?
- Уже два года, не такая уж и зеленая! – расхрабрилась Шейна Пейсах.
- Я – Сэм Аркин, бригадир.
- А я – Шейна Пейсах.
- Я отнесу эти рубашки, вернусь и отведу вас к хозяину.
- Я жду.
- Надеюсь, вы быстро освоитесь, - подбодрил Сэм Аркин, препровождая ее в контору, - удачи вам!

Из-за нехватки рабочих рук Шейна Пейсах была принята немедленно. Дрожа от волнения, она последовала за Сэмом Аркином в цех. Он подвел ее к большегрудой девушке, самой умелой швее. “Сэди Кранц, вот вам на выучку новенькая!” – сказал он и вернулся на свое место.

Сэди Кранц усадила Шейну Пейсах рядом с собой и шепнула соседке: “Еще одна зеленая с деревянной башкой! Эти новоприбывшие вырывают у нас кусок хлеба своим дешевым трудом!”

Свои первые швы Шейна Пейсах делала на удивление быстро и правильно, что заслужило справедливую похвалу Сэди Кранц.

- Шейна, у вас ловкие руки и хорошо варит голова!
- А у вас доброе сердце, Сэди! Как мило с вашей стороны учить меня!
- Я люблю помогать, если мне это ничего не стоит – так и так мне платят за неделю, - ответила любезностью на любезность Сэди Кранц. Никто и никогда прежде на называл ее сердце добрым.

Фабрика впечатлила Шейну Пейсах. Молодость жадна до новизны. Целиком отдавшись постижению премудростей швейного мастерства, она так увлеклась, что не заметила, как прошел день. Раздался звонок, машины остановились, и работницы гурьбой бросились к выходу.

- Ой-вей! Пожар? – побледнела от страха Шейна Пейсах.
- Зеленая! Это шесть часов. Время идти домой! – рассмеялись работницы.
- Домой? У меня нет дома! Я убежала. Помогите мне, Сэди!
- Я возьму вас к себе на время. Вы, наверное, умираете есть? – пожалела ее Сэди Кранц.

Темная и мрачная клетушка, которую Сэди Кранц называла домом, навеяла Шейне Пейсах мысли о комнате в дядином доме. “Может вернуться? Несчастный дядя, как он проживет без меня?” – подумала она. Тем временем Сэди Кранц деловито розожгла стоящий на сундуке примус, начистила картошку и приготовилась варить сосиски – ужин после трудового дня.

- Вы работаете быстро и толково, будете иметь хорошие деньги, купите приличную одежду, станете ходить на танцы и, кто знает, встретите человека и выйдете замуж! – нарисовала Сэди Кранц своей гостье привлекательную картину будущего.
- Я буду стараться и докажу кое-кому, что достойна его!
- Зачем стараться работать самой? Не лучше ли выйти за путевого парня?
- Тот, который мне нужен – он не просто человек, он для меня звезда в небесах...
- Вот так здорово! Что звездам до вас? – засмеялась Сэди.
- Мое сердце всегда рвалось ввысь!
- По-моему, Шейна, вы просто чокнутая!
- Чокнутая? Я не вернусь к дяде, я покажу всей Америке, на что я способна!

На следующее утро она пришла на фабрику сияя, с высоко поднятой головой. “Посмотрите-ка на эту зеленую! Чему радуется? Не иначе, сваха обещала богатого мужа!” – злословили девушки.

Оправдалось предвидение Сэди Кранц, и за несколько недель Шейна Пейсах сделала впечатляющие успехи. Теперь денег хватало, чтобы поселиться в собственной маленькой комнатке. Она работала быстрее и лучше многоопытных швей, и бригадир Сэм Аркин взял ее к себе в помощницы. Она еще не забыла грубые дядины окрики, а уважительный и мягкий голос фабричного наставника ласкал ей слух.

Время ланча. Работницы выключили машины, заторопились со своим чашками к дымящемуся котлу с чаем. В воздухе висел неизбывный запах селедки с луком, вместе с прочей рутинной привезенный в Америку с бывшей родины еврейскими бедняками-иммигрантами. Шейна Пейсах и Сэм Аркин расположились поодаль от остальных обедающих. А те увлеченно бранили обоих отщепенцев.

- Толку-то убиваться на работе ради обновок, если нахалки пролезают вперед, - сказала Ревекка Фейст, разглядывая приобретенные накануне шелковые чулки, - глядите-ка, как Сэм Аркин увивается за зеленой!
- Мы уже давно работаем, а она слизывает сливки, словно ей положено! – заявили сразу несколько голосов.
- Это ее невинный взгляд морочит его!
- Ха-ха-ха – невинный! Где такую найдешь? Все они знают, как к мужчине подъехать!
- Не ум и быстрота, а удача нужна! – заявила Блюма Левина, седая и бледная, - у новенькой румяные щечки – вот ее везение!

- Лицемерка она! – воскликнула Ревекка Фейст, покрывая пудрой свое восковое от недоедания лицо.
- Завистницы! – вступилась за подругу Сэди Кранц, - набросились на новенькую, как свора собак, и все из-за того, что Сэм Аркин улыбнулся ей! И ни одна не замолвит слова. А добрый язык – знак доброго сердца! – вспомнила Сэди Кранц похвалу Шейны Пейсах.
- Пусть не выставляет себя! – крикнула непримиримая Ревекка Фейст, - она прыгнет через наши головы и станет начальницей!

Тем временем Сэм Аркин и Шейна Пейсах сидели на подоконнике и ворковали, забыв о голоде.

- Ваши глаза сияют! Что за счастливые мысли у вас в голове? – спросил Сэм Аркин.
- Когда я вижу, что люди вокруг разговаривают и смеются, я рада быть одной из них.
- Это американки! Они думают только о тряпках, мороженом и выгодном замужестве!
- Я чувствую себя равной другим, и это здорово! Будто фабрика – мой дом. Ведь я словно освободилась из тюрьмы. Мое сердце страдало от одиночества... Я не знаю, почему я так открыто говорю с вами...
- Пожалуйста, продолжайте! Я хочу больше знать о вас. Вы так красивы...
- Я боялась раньше говорить с мужчиной, а с вами мне легко.
- Вы вся из шелка и бархата! Откуда в мире такая красота?
- Ну, что вы...
- Я хочу проводить вас домой после работы. Можно?
- Можно... – опустив глаза ответила Шейна Пейсах.
- Я буду ждать вас внизу на лестнице!

Шейна Пейсах все думала, сказать ли Сэму Аркину о Джоне Барнесе? “Поймет ли Сэм? Как поймет? Он добрый, он хорошо ко мне относится. И не посмеется над моими мечтами. А я – дура, зачем выдала свою тайну Сэди Кранц?”

Как и условились, Сэм Аркин и Шейна Пейсах встретились после работы внизу на лестнице. Он приготовил горячую речь, но когда она оказалась рядом с ним, мгновенно все забыл и только улыбался. Он прочищал горло, трещал суставами пальцев, а слова все не возвращались. Так они и дошли до ее дома, храня молчание.

- Мне жаль, но я не могу пригласить вас в свою слишком маленькую комнатку, - проговорила Шейна Пейсах, - она с трудом вмещает одного.
- Что вы скажете на то, чтобы поужинать вместе? – исправил положение Сэм Аркин.
- Вы думаете, я могу пойти в ресторан в этом платье?
- Вы выглядите лучше всех модниц. Я приглашаю вас и буду гордиться вами.
- Тогда пойдете! – воскликнула Шейна Пейсах, зардевшись от удовольствия, - как хорошо иметь друга, для которого душа важнее наряда, - добавила она и вспомнила о другом человеке.
- Вот увидите – я не скуп. Бриллианты украсят и наряд и душу!

Они шли по вечерним улицам Нью-Йорка. Толпы рабочих высыпали из ворот фабрик и тут же рассеивались – каждый спешил по своим делам. Владельцы киосков избавлялись от товара в эти бойкие часы. Продавцы газет, все больше мальчишки, выкрикивали названия: “Тагеблат”, “Абендблат”, “Гардиан”. Ревели поезда над землей. Сэм Аркин ощущал в своей большой ладони легкую ручку Шейны Пейсах. Редкое чувство радости заглянуло к нему в сердце.

- Как славно жить в Америке! – выпалил, наконец, Сэм Аркин.
- И мне хорошо! – в тон воскликнула Шейна Пейсах.
- Почему вы приехали сюда?

- Я надеялась на лучшее. Кому любо в старом мире – не стремятся в новый!
- Точно!
- Я была голодная и босая, но сейчас вспоминаю с теплом узкие улицы, коров, цыплят...
- У меня нет тоски по прошлому, стараюсь не вспоминать.

Они вошли в ресторан, заняли угловой стол. Ни о чем не спрашивая свою спутницу, Сэм Аркин заказал селедку с луком на двоих – “Это для начала!” – пояснил он.

- А в меню нет американской еды? – робко поинтересовалась Шейна Пейсах.
- И через сто лет я не стану есть американскую еду. Что может быть лучше селедки с луком?
- Я не забываю Россию, но сердце мое принадлежит Америке. И желудок – тоже!
- А я не доволен американской едой, но люблю американские доллары!
- Вы многого добились и твердо стоите на ногах...
- Приехал я оборванным и не умел написать свое имя. Я учился.
- А тяжело было учиться? – спросила Шейна Пейсах, затаив дыхание.
- Мне – да! По ночам я выводил на бумаге крючки, пока не стало получаться “Сэм Аркин”.
- По ночам?
- Я работал от зари до зари. Теперь у меня счет в банке, и мне не нужна ничья помощь.

Шейна Пейсах украдкой рассматривала Сэма Аркина. Крупные сильные руки. Грубые черты лица. Толстые губы. Мелкие невыразительные глаза. Самодовольный труженик, гордый своей независимостью, добытой тяжелым трудом. Она невольно сравнивала его с другим человеком, и это сравнение делало того, другого, еще прекраснее и желаннее.

- В России я мечтал о золотой стране. Я работал как черт и копил, копил, копил на билет.
- А мне дядя купил билет... – вздохнула Шейна Пейсах.
- Здесь я попал в руки негодяя, тоже из России. У него люди мерли от непосильного труда.
- Ваш первый хозяин похож на дядю моего, Мойше Рифкина!
- Я вспоминаю, как за гроши работал на этого кровопийцу по шестнадцать часов в день!
- Сейчас у вас другая жизнь! – сказала она, погладив его по руке.
- Теперь я при деньгах. Я хочу начать свое дело. И я хочу жениться!

Сказавши это, Сэм Аркин столь выразительно посмотрел на Шейну Пейсах, что благозвучие любовных признаний навряд ли многое добавило бы к его красноречивому взгляду. Но, как известно, совсем без слов обойтись нельзя.

- Я кое-что придумал! Я перепису свой банковский счет на вас, Шейна! Вы согласны?
- На меня? – изумилась Шейна Пейсах.
- Все мое будет вашим, а вы станете моей!
- Я не могу так! – воклинула она, потрясенная таким доказательством преданности.
- Но почему? Мои доллары сделают все! Я куплю пианино, найму учителей...
- Сэм, у меня есть руки и голова. Я мечтаю стать настоящей американкой и должна трудиться!
- Вы сможете прекратить работу хоть завтра!
- Я не возьму ваши тяжко добытые деньги! Я всего достигну сама!
- Возьмите, прошу! Вы мне дороже жизни! - воскликнул он со слезами на глазах.

Буря чувств захлестнула сердце Шейны Пейсах. Как любят ее! Вот оно, счастье, больше которого не бывает: семья, детишки, достаток, любящий муж, надежный кормилец. Кто из девушек не мечтает о такой судьбе!? А как же тот, американец? Да ведь он – только фантазия! Но нет! Лишь Джон Барнес живет в ее сердце, лишь его она боготворит и станет достойной его любви!

- Я знаю, Сэм, вашу доброту. Но в сердце моем живет другой...

- Другой? – пролепетал побледневший Сэм Аркин, и страдание исказило лицо его.
- Я должна была сказать раньше... Он не просто человек, он... он необходим мне, как голод...
- Голод? Не понимаю...
- Душа должна быть голодна, чтоб рваться вверх. Этот человек влечет меня в небеса, он – голод моей души!

Они вышли на улицу. Шагали медленно, молча. Прямой, честный и приземленный Сэм Аркин ничего не понял из слов Шейны Пейсах. А что не понимают – то осуждают. Он отвергнут, и это ясно. Он тяжело жил и много голодал. А теперь он сыт и Шейне предлагает довольство, а ей нужен голод? Навстречу им мамыши катили коляски с младенцами, и иголки зависти нет-нет да и кололи сердце Шейны Пейсах, но быстро пропадали.

Шейна Пейсах сострадала ему, но ничего не могла поделать. “Тот человек, - она попыталась лучше объяснить, - тот человек стал тем, кем хотели, но не могли стать мой отец и мать и их отцы и матери – он все воплотил в себе. Он вселил в мою душу тысячелетний еврейский голод, который она рвется утолить!”

Они уселись на скамейку. Он был вполне несчастен. Она чувствовала, что слова ее напрасны и холодны, что застыли они, превратились в тяжелые камни и придавили все существо Сэма Аркина. Она не хотела ранить его, но бес амбиции победил великодушие. “Мне не жалко вас, Сэм Аркин! – проговорила Шейна Пейсах, - потому, что мне не жалко себя! Я испытала не меньше вас, но мне мало этого. Я не остановлюсь, я голодаю по свободе и готова уступить вам чуточку своего голода!”

Погубленная красота

“Ой, как сияет красота!” – с восторгом воскликнула Хани, закончив красить стены и потолок в кухне. Всегда и во всем душа ее радовалась виду изящества и строгости. Хани перевела взгляд на фотографию сына в форме солдата армии Соединенных Штатов. Похож на мать и лицом и характером. Война кончилась, скоро обожаемый Ави вернется домой из Франции, увидит красоту, и не стыдно ему будет привести домой друзей.

Прачка Хани стирала тонкое белье, и миссис Престон была одной из ее заказчиц. Артистически красиво делала Хани свою работу, и платили за нее не только долларами, но и восхищением и любовью.

Хани завидовала чистоте кухни в особняке миссис Престон, и вот сегодня вечером она закончила красить свою собственную поварню, которая теперь выглядит не хуже, чем у богатой леди, во всяком случае, в части белизны.

Муж Хани, больной, сгорбленный, помятый жизнью человек сидел на кровати, выставив вперед опухшие ноги, и считал гроши – свою дневную выручку. Хани поспешила к супругу с радостным сообщением.

- Джек Сафрански, - воскликнула Хани, - взгляни на мою работу, пока не пошел спать!
- Оставь меня, я хочу покоя... – отмахнулся муж.
- Скорей сюда! Скажи-ка, я понимаю в красоте? – настаивала Хани.
- Сколько денег ты потратила на краску?
- Я заработала их добавочной стиркой. Ради красоты и потерпеть не грех!
- Лучше бы отложила на черный день. Он придет.
- Я это учла. Я старался для Ави. Теперь он может пригласить в дом хоть самого Президента.

- Ты готова купить для Ави воз бананов. Ты не копишь доллары, как положено беднякам.
- Я не позволяю себе кино и мороженое. Что толку от денег, если они не приносят красоту?
- Что толку от красоты, если кухня не твоя, а домовладельца?
- Но живу-то в доме я! Свежие стены и потолок сияют солнцем в душе. Где твои глаза?
- У тебя белая кухня, а я почернел от забот. Ты тянешься за богатой американкой. Глупо.
- Я стараюсь для Ави, я луну с неба достану для него, а он сделает нас американцами!
- Ты хочешь быть как миссис Престон?
- Когда я создаю своими руками красоту, я чувствую себя, как миссис Престон.
- Почему ты не вышла замуж за миллионера?
- Она не заносится передо мной! Она говорит, что победа в войне даст равные шансы всем.
- Ну-ну..
- Она сказала, что у нас будет демократия, и все в Америке станут равны друг другу!
- Хватит молоть ерунду. У бабы волос длинный, а ум короткий! – положил конец разговору Джек Сафрански и отправился спать.

На следующее утро Хани отправилась в мясную лавку, помещавшуюся на нижнем этаже дома. В эти часы там собиралось большое общество женщин. Они приходили не только ради куска мяса, но и для обсуждения важнейших дел. Все они знали друг о друге многое, но хотели бы знать больше. Энергично работая локтями, Хани пробивалась к прилавку мясника мистера Сопкина и, похоже, имела сообщить собранию нечто важное.

- Что это, Хани, вы так горячитесь, что у вас горит? – возмутилась одна из женщин.
- Ей всегда горит рассказать что-нибудь о своем сыне! – заметила другая.
- А как же? Вся Америка должна знать о нем!
- Она думает, что ее Ави единственный солдат в армии.
- Мой Бени тоже служит, но я не такая сумасшедшая мать, как Хани.
- У каждой вороны свой птенец самый прекрасный!
- Обожествишь чадо – не напасешься жертв!
- Мистер Сопкин, разве мы покупаем мясо не по очереди? Почему она прорывается вперед?
- Ну, Хани, какие новости в письме из Франции? – спросил мясник, обтирая нож о передник.
- Мистер Сопкин! – вскричала Хани, - новость в том, что я покрасила кухню!
- Великолепно! – воскликнул мистер Сопкин и снова вонзил нож в мясо.
- Хватит уже резать говядину! Все живо поднимайтесь ко мне взглянуть на красоту!
- Много я заработаю, если стану пялиться на чудеса в вашем доме! – сказал мясник.
- Деньги – это не все. Моя белоснежная кухня осветит ваше сердце! – возразила Хани.
- Деньги – это очень многое!
- Ой, вы так честно взвешиваете мясо, ваши покупатели не убегут! – подольстилась Хани.
- Если вы заберете что-нибудь в вашу сумасшедшую голову, Хани, – вам нельзя отказать!
- Я знала, что уговорю вас, мистер Сопкин!
- Женщины! Давайте доставим радость Хани и поглядим на ее кухню! – призвал лавочник.
- У меня нет времени, младенчик дома заперт! – запротестовала одна.
- У меня горшок с супом на плите. Все сгорит! – возразила другая.
- Хватит! У вас у всех есть время часами болтать языком. Все за мной! Это займет минуту.

По шатким и узким лестницам ликующая Хани вела к себе в квартиру вереницу женщин во главе с мистером Сопкиным. Она распахнула дверь, и чудо предстало перед глазами вошедших. Возгласы восторга услаждали слух хозяйки.

- Сияние из всех углов!
- Настоящий праздник!
- Не надо зажигать газ – светло от стен!

- И я бы хотела иметь такую кухню!
- А вы почему молчите, мистер Сопкин? – дернула его за рукав Хани.
- У меня нет слов! Вам положена медаль от домовладельца... – воскликнул мистер Сопкин.
- Желаем вам, Хани, женить сына, а нам поплясать на свадьбе!
- Чтоб дожидаться вам радостей от внуков!
- Пусть свалится на вас богатство, и будет собственный дом с белоснежной кухней!
- Аминь! Дай нам Бог забыть о плате грабителям-домовладельцам! – ответила всем сразу Хани.

Миссис Престон с восхищением наблюдала, как Хани раскладывала доставаемые из корзины постиранные вещи, как ласково разглаживала тонкую ткань своими грубыми руками, расправляла складки и причмокивала языком от удовольствия – приятно сознавать мастерство. “Хани, вы мастерица! Никто до вас не стирал так любовно мой батист и кружева! Вы создаете красоту!” – говорила миссис Престон. Польщенная прачка пила глазами безукоризненное изящество своей заказчицы. Как все гармонично в этой женщине – одежда, обувь, прическа, осанка, манеры, речь – она само совершенство!

- Ах, миссис Престон, вы так добры, и у вас простое сердце!
- Ну, что вы, Хани! Я только ценю вашу работу!
- Вы не похожи на других богатых леди. Вы почтительны с таким ничтожеством, как я!
- Не называйте себя ничтожеством, не сердите меня. Вы искусница, художница даже!
- Я – художница?
- Конечно! Вы создаете красоту, как художник. Вы делаете это своим ремеслом, он – краской.
- Краской? Я тоже могу! Я выкрасила кухню, мясник и соседки были восхищены!
- В честь Ави? – спросила миссис Престон, которая тоже ждала из Европы сына-офицера.
- Все, что я делаю – все для моего Ави! Вы помните, миссис Престон, как вы подарили мне герань в горшке? И тогда мне пришла в голову мысль, что к возвращению Ави я обязана сделать дом красивым, под стать вашим цветам. Домовладелец не хотел тратиться, и я решила, что сделаю это сама – и заодно все узнают, что Хани понимает кое-что в красоте! Я работала по ночам, откладывала гроши на краску, и теперь моя кухня сияет белизной, как ваша!

Хани впечатлила миссис Престон своей приверженностью ко всему красивому. Богатая американка даже позавидовала бедной русской еврейке, одаренной жадой и чутьем красоты. Она пообещала Хани навестить ее и взглянуть на преображенную кухню. “Я испеку штрудель к ее приходу, - думала осчастливленная Хани, уходя от заказчицы, - и приглашу снова мистера Сопкина и соседок – пусть увидят мою гостью!”

Хани стирала белье. Позвонили в дверь. Вошел мистер Бенджамин Розенблат, домовладелец. Длиннополый сюртук туго облегал выступающий живот. Маленькие глазки слабо светились, жир разгладил морщины на лице. Мистер Бенджамин Розенблат явился за квартирной платой.

- Мистер Розенблат! Плата приготовлена. Но прежде загляните в кухню! – воскликнула Хани.
- Я тороплюсь. Время – деньги!
- Я прошу только полминуты! Ну, что скажете? Я хороший маляр?
- Неплохая работа. Вот квитанция, - сказал домовладелец, и дума мелькнула на лице его.

Через две недели, когда Хани и Джек Сафрански сидели за ужином, вошел швейцар и протянул письмо от домовладельца. Предчувствуя беду, Хани открыла конверт.

- Ой-вей! – это все, что она смогла промолвить.
- Что случилось? Ты выглядишь, как мертвая! – испугался муж.
- Этот убийца поднял нам плату на пять долларов!

- Ты никогда не слушаешь меня! Деньги надо было нести в банк, а не краску покупать!
- Ты ешь меня поедом, скупердяй! – кричала Хани и побежала в контору к домовладельцу.
- Мистер Розенблат! У вас есть сердце? Где я возьму еще пять долларов? – возопила Хани.
- Квартира отремонтирована и стала стоить на пять долларов дороже! – прозвучал ответ.
- Но у меня нет денег!
- Это не мое дело. Вам нечем платить – я поселю другого жильца.
- Я за свои деньги покрасила ваш дом!
- Вы это сделали для себя.
- Подумайте о Боге! Где ваша совесть?
- У меня нет больше времени для вас, разговор окончен! – прорычал мистер Розенблат, повернулся к машинистке и продолжил диктовать письма.

Выйдя из конторы Хани почувствовала удушающую сухость в горле, ноги ее дрожали и подкашивались. Она шла и разговаривала сама с собой. “Где взять деньги на переезд, на грузчиков? Я не хочу покидать свою красивую кухню. Что я скажу Ави, когда он вернется? Просить миссис Престон о помощи? Нет! Еще подумает, что у меня корысть на уме... Куда податься, и кто поможет?” Она добрела до мясной лавки, уселась на скамейку и заплакала.

- В чем дело, Хани? – участливо спросил мистер Сопкин.
- Несчастливая я! У меня темно в глазах! – всхлинула Хани, привлекая внимание соседок.
- Плохие новости от Ави, сохрани Боже? – спросила одна из них.
- Убийца-домовладелец поднял мне плату на пять долларов!
- На каком основании? – возмутился мистер Сопкин.
- Кровопийца сказал, что выкрашенная квартира стоит дороже!
- Эти домовладельцы – цари и казаки Америки! – крикнула соседка.
- Что вы намерены делать?
- Я перестану есть мясо и молоко. Сэкономлю. Я хочу принять Ави в красивом доме.

Хани воздела руки к небу, закричала в бессильном гневе: “Боже праведный! Верни на землю справедливость! Пусть изверг примет такие же муки, как мои. Чтоб в огне ему сгореть, чтоб в воде ему утонуть, чтоб голодной смертью умереть, чтоб тело его изгрызли бешеные собаки, чтоб мститель восстал из костей наших, чтоб...”

Изнуренная тяжелым трудом и ослабевшая от недоедания Хани складывала в корзину постиранное белье миссис Престон. Зашел швейцар и протянул ей письмо от домовладельца. В ужасе Хани открыла конверт – еще одно повышение квартирной платы.

Сказать мужу? Но ей нужны не ворчание и попреки, а поддержка друга. Хани взяла корзину с чистым бельем и отправилась к своей доброй заказчице. На сей раз она решила, что поведает ей о своей беде.

Леди выслушала горький рассказ прачки. Миссис Престон всей душой сострадала бедной женщине. Она присмотрелась к Хани повнимательнее и впервые в жизни задумалась о разрушительной власти труда и голода.

- Хани, постарайтесь успокоиться. Вы правы, домовладельцы употребляют во зло свою силу.
- Что толку мне от правоты?
- Мы как-нибудь уладим дело... У вас будет приемлемая плата...
- Я не знаю ваших мыслей, миссис Престон, но мне нужна не милость, а справедливость!

Хани не плакала, она говорила во весь голос. “Домовладелец загнал меня в угол. Если не найду денег для него – он возьмет мою жизнь. Я не ем мяса и молока, чего еще я должна себя лишиться? Теперь все дорого – еда, одежда, обувь. Я не могу поставить заплату на ботинок!”

Жалея Хани, миссис Престон просила ее принять немного денег, но та отвергла подношение. “Мне нужна не милость, а справедливость!” – повторила Хани. Миссис Престон чувствовала себя не в своей тарелке. Она подумала, что когда на ее столе появится январская клубника, у прачки не будет вдоволь хлеба.

- Мы не можем изменить порядок вещей в одночасье, - пробормотала смущенная леди.
- Я изменю! Я буду бороться, и Америка услышит меня!
- Хани, наши законы несовершенны, наша страна молода, мы учимся...
- О, я вижу, вы держите сторону домовладельца! Может быть, даже имеете выгоду от него. А я думала, вы за демократию! – в отчаянии произнесла Хани.

Миссис Престон не обиделась. Слезы выступили у нее на глазах. Она ничего не сказала в свою защиту и не ответила на несправедливые слова. Она молча вышла.

Хани пошла в суд, как ответчица по делу о выселении ее семьи. Постоянные покупательницы мясной лавки с нетерпением дожидались возвращения героини, строили догадки, болели за соседку.

Дождались. Она была бледна, как мел. Ей дали дорогу, усадили на скамейку. Мистер Сопкин поднес рюмку бренди: “Выпейте, это вернет вам силы!” Одна из женщин принесла чашку крепкого кофе и ломтик хлеба с селедкой и луком. Несчастный вид ответчицы красноречиво свидетельствовал об исходе суда. Тем не менее вопросы посыпались один за другим.

- Ну, что решил суд?
- Что сказал судья?
- Хани, вам дали высказаться, как вы хотели?
- Негодяй тоже говорил?
- Судья сказал, что домовладелец в своем праве... – пробормотала Хани.
- Что это значит?
- Это значит, что он может поднимать цену и выселять людей, - пояснила Хани.
- Если даже бедовая Хани не может защитить себя, что уж нам остается?
- К кому идти? Кто заступится за нас?
- Наша жизнь в их руках!
- Они могут душить нас, и это их законы!
- Никто не слышит наш плач!
- Еще услышат... Кого многие боятся – сам многих боится!
- Моя белоснежная кухня! – горько воскликнула Хани.
- Красота – царица, да правит недолго!
- Отомсти негодяю, Хани! Око за око! – подстрекнул мистер Сопкин.

Собравшись с силами, Хани поплелась домой. Упреками и нравоучениями встретил ее муж Джек Сафрански. “Сумасшедшая! Вбила себе в голову, что кухня твоя должна блестеть, как у миссис Престон. На миллионщиков вздумала равняться, дура! Мужа надо было слушать! Теперь мы – общее посмешище!” Ее отчаяние сменилось гневом. “Прочь с моих глаз! Вон из дома!” – зарычала Хани и швырнула утюг всед спасавшемуся бегством Джеку Сафрански. Он успел захлопнуть прозрачную дверь кухни, и его догнал звон расколотого утюгом стекла.

Разбитая стеклянная дверь напомнила Хани мстительный призыв мистера Сопкина! “И это Америка! За что воевал мой Ави? Я старалась ради красоты, а теперь грабитель, казак и убийца станет наживать? Негодяй-домовладелец ничего не получит! Око за око!”

В припадке бешенства Хани схатила нож и стала сдирать краску с кухонных шкафов. Молотком сшибала штукатурку со стен. Разбила горшки с геранью. Открыла нефтяной кран, и струя черной жидкости покрыла отвратительными пятнами белоснежные стены и потолок кухни. Она бесновалась всю ночь и с рассветом обессиленная свалилась на кушетку.

Хани открыла глаза и с ужасом взглянула на учиненный ею разгром. “Ой-вей! - вскричала она, - неужели все это я сама сотворила? Я отомстила, уничтожив красоту. Лучше не знать ее совсем, чем радоваться ей, а потом утратить. Но погубить красоту своими руками!? Это невыносимо!” Хани сидела на кушетке, раскачивалась, как помешанная, и громко стонала – горше лишиться, чем никогда не иметь!

Аврам Сафрански, рядовой армии Соединенных Штатов, бодрым шагом уверенного в себе молодого американца шел из порта к себе домой. Накануне он прибыл из-за океана, в кармане его лежало увольнительное разрешение на сутки. Он торопился увидеть родных после разлуки.

На левом плече рядового Сафрански красовался знак Статуи Свободы, а на груди блестела медаль за отличную службу. К правому рукаву были пришиты две полоски – свидетельства полученных ранений.

Из писем Хани солдат знал о выкрашенной кухне. Сын торопился доставить матери радость – он мысленно отрепетировал свое восхищение красотой.

Вот родная улица, родной дом. Но, что это? На тротуаре громоздится гора знакомых Ави домашних вещей. А рядом на табуретке сидит, сжавшись под морозящим дождем, седая женщина...

Бесплатный пансионат

Меня удостоила визитом учительница из школы. С наилучшими намерениями она возжелала разобраться в моих проблемах – дети часто опаздывают на уроки, домашние задания выполняют неаккуратно, одежда на них не всегда сияет чистотой.

Я выложила наставнице все как есть. У меня с утра голова идет кругом, и я не знаю за что хвататься – готовить завтрак мужу Сэму, кормить младенца, выпроваживать старших детей в школу и так далее. Я продемонстрировала визитерше свои руки: “У меня их только две!”

- Дорогая моя, вам требуется отпуск в деревне на лоне природы! – заявила учительница.
- Да разве я сама не знаю, что мне необходим отдых? Вот только денег нет!
- Существует бесплатный пансионат для матерей с детьми.
- Бесплатный пансионат? – с сомнением спросила я.
- Да, представьте себе, милочка! Мир не без добрых богачей!

Через несколько дней, когда я отправила в школу Машу, Менделя, Фриду и Соню, и приготовилась вести в детский сад Ави, раздался звонок в дверь. Вошла леди в накрахмаленном белом халате, словно она сестра милосердия, и с черной сумкой в руках. “Здравствуйте, мамаша,

- произнесла вошедшая, - я прибыла к вам из общества социального прогресса. Нам стало известно, что вы выразили желание отдохнуть две недели в бесплатном пансионате!”

Не успела я и слова вымолвить в ответ, как одетая в белое леди подскочила к младенцу и с возгласом “Этот негигиенично!” выхватила у него изо рта соску. Я немедленно вернула дитяте его утеху, объяснив гостье, что малютка поднимет страшный крик, и головная боль будет обеспечена нам обеим.

Леди достала из сумки тетрадь и приготовилась записывать мои ответы на вопросы, которые сыпались из нее, как из рога изобилия. Как меня зовут? Сколько мне лет? Сколько лет я нахожусь в Америке? Живут ли у меня квартиранты? Откуда я приехала? Как зовут моего мужа? Сколько ему лет? Сколько лет он живет в Америке? Какая у него работа? Сколько он зарабатывает в неделю? Сколько мне стоит оплата квартиры? Дальше следовали вопросы о детях и так далее до бесконечности.

- Зачем это? Болела Маша коклюшем, а Соня корью? Я приехала из Вильно или из Ковно?
- Мы должны проверить всех претендентов на благотворительность и выбрать достойных!
- Мне не нужна ваша благотворительность! Мы не нищие! Мой муж работает! – вскричала я.
- Учительница мисс Голомб сообщила, что вы хотите отдохнуть в бесплатном пансионате.
- Я не знала, что это благотворительность!
- Если ваша просьба будет одобрена, вас известят! – сухо сказала леди и вышла.

“Докатилась! Словно я побирушка!” – подумалось мне после ее ухода. Я окинула кухню привычным взглядом. Бадья с бельем напоминала о предстоящей стирке. На столе громоздилась гора грязной посуды. В раковине меня ожидала нечищенная картошка. Младенец выплюнул соску и заорал, требуя бутылку с молоком. Ави начал ныть – давно пора вести его в детский сад. Если я не вырвусь из этого ада, то меня ждет сумасшедший дом, или я брошусь из окна. Гордость не любит быть в долгу, но лучше обуздать ее и принять благотворительность – меньшее из зол.

Минул месяц, и вновь появилась леди в белом накрахмаленном халате и с черной сумкой. Она поздравила меня с удовлетворением моей просьбы, вручила карточку с адресом офиса, куда мне с детьми надлежит явиться завтрашним утром, пожелала приятных дней в деревенском бесплатном пансионате и изрекла: “Покой и отдых обязаны своей сладостью труду!” На карточке было отпечатано мое имя, а в углу сверху красовалось слово “Благотворительность”.

Ужасно, если кто-нибудь из моих знакомых увидит меня завтра идущей во главе своего выводка в офис благотворительной помощи. Подумают, что я прошу подаяния! Ну, а что мне делать? Пойду!

В приемной толпился народ – женщины с детьми. Чего-то ждали. Прятали глаза друг от друга. Все смущались всех. Минута казалась годом. Младенец на моих руках уснул. Мендель захотел пить. Ави заявил, что умирает есть. Сидевшая рядом со мной женщина громким голосом и ни к кому не обращаясь воскликнула: “Так мы едем сегодня в деревню или не едем?”

Наконец, появилась служащая офиса и подозвала меня к стеклянному окошку. Начались вопросы. Сколько зарабатывает ваш муж? Держите ли вы квартирантов? Какова плата домовладельцу? На все это я уже однажды отвечала. Но в первый раз допрос происходил у меня дома, а сейчас я сгорала от стыда – говорить в присутствии десятков ушей и глаз. Леди за стеклом никак не унималась и вонзала ножи в мое истекающее кровью сердце.

Когда завершилась попытка вопросами-ответами, явился врач для проверки нашего здоровья. Он брезговал прикасаться к бедным, должно быть, опасался какой-нибудь заразы, поэтому двух минут ему хватило, чтобы осмотреть всех.

Следующий этап испытаний – шествие гуськом за чиновницей, направлявшейся к автобусу, который должен был доставить нас на железнодорожный вокзал. Без сомнения, у каждой из женщин вполне хватило бы ума самостоятельно найти дорогу. Я шла, низко опустив голову, дабы никто из знакомых не узнал меня в этой позорной веренице.

Но вот поезд наш мчится мимо полей и лесов. Я открыла окно. Аромат природы ворвался в вагон. Ах, как хорошо! Мы едем в пансионат, мы едем в деревню! Ни грязных мусорных баков, ни облезлых пожарных лесниц, ни обшарпанных кирпичных стен – только зелень лугов и небесная голубизна глядят на меня. Прочь заботы, долой неоплаченные счета, не вспоминать о квартирной плате, забыть кастрюли и сковородки – только отдыхать и дышать полной грудью!

А вот и пансионат! Боже, я никогда не видела такого нарядного здания – настоящий дворец! Перед фасадом живописно расположились клумбы, цветы, лужайки, тенистые деревья, беседки, удобные стулья. И все это великолепие будет принадлежать нам целых две недели! А какая чистота внутри! Ни пылинки – хоть в микроскоп смотри! Пол выдраен так, что можно есть с него – и стола не надо!

Не успела я окунуться в атмосферу счастья, как некая леди пригласила меня к столу, и я должна была в третий раз выдерживать натиск все тех же вопросов. Голод и усталость помогли сохранять спокойствие. Дети рвали меня на части. Младенец угрожал пробудиться ото сна. Мендель и Ави хотели есть. Соня требовала воды. Маша и Фрида сообщили мне о своих желаниях на ухо, и промедление было недопустимо.

Вступительная беседа завершилась вручение каждому из нас бирки с написанным на ней именем. Этот отличительный знак привязывался к руке. Снабженные ярлыками, как савраски на лошадиной ярмарке, мы были препровождены в столовую.

И вновь великолепие! Пред нами предстали покрытые белоснежной клеенкой ровные ряды столов, и вазы с цветами украшали их. Вилки, ложки, ножи, тарелки, чистые салфетки – все, словно во сне! Только мы уселись, как девушки в накрахмаленных фартуках засуетился вокруг нас. В первый раз за много лет я буду есть еду, которую сама не готовила, и мне будут подавать ее и приятно улыбаться при этом!

Только мы начали вкушать сами и кормить деток, как в столовую вошла солидная дама, по виду хозяйка заведения, и строго посмотрела на трапезничающих. “Уважаемые мамы, я намерена ознакомить вас с правилами пребывания в нашем бесплатном пансионате.”

Пока мы жевали, глотали и вытирали рты чадам, леди разъясняла наши обязанности и права. “Нельзя находиться со стороны фасада здания и сидеть на стульях под тенистыми деревьями. Сюда приезжают наши благотворительницы, и мы сохраняем главный вход в образцовом порядке. Для отдыхающих мамаш и их детей существуют скамьи с задней стороны дома. Там же имеются железные лестницы – чтобы не ходить по парадным ступеням и не топтать понапрасну ковры. Кровати следует застилать с утра, лежать на них днем запрещено. Дети старше двух лет не должны крутиться возле мамаш – их место в игровой комнате с няней, которой они обязаны повиноваться беспрекословно”.

Хозяйка пансионата обратила наше внимание на необходимость прислушиваться к звонкам. Первый звонок – подъем. Второй – раздача бутылочек с молоком для сосунков. Третий – завтрак. Четвертый – купание младенцев. И так далее. Правила строгие: например, опоздавшие к завтраку – постятся до обеда.

Почти каждый день на роскошных автомобилях приезжали богатые дамы. Это для них ковры, цветы, чистота и все такое прочее. Хозяйка водила благотворительниц на нашу сторону, и они с умилением глядели на нас и упивались гордостью за свою щедрость: “Как чудно, что эти неимущие женщины и их бедные дети получают возможность отдохнуть!” – говорили они.

Одного дня мне хватило, чтобы слишком устать от благодеяний и правил. Мендель канючил и просился обратно домой: “Здесь все запрещено, хуже, чем в школе!” И все-таки я не уехала раньше времени, а провела в пансионате полных две недели. Я подумала, что если я вернусь в понедельник – меня ждет большая стирка, во вторник – глажка горы белья, в среду – мытье квартиры и так без конца. По обыкновению я выбрала меньшее зло.

В день отъезда я размышляла о том, как трудно творить добро, а угодить людям – и того труднее.

Вернувшись в свою квартиру, я была готова расплакаться от счастья – никаких правил, и я свободна! И комнаты показались мне не такими уж маленькими, и вид кирпичных стен во дворе не слишком удручал, и мусорные баки внизу под окнами меньше благоухали. “Слава Богу, я дома!” – ликовала душа.

Чудо

Я – Сара-Рейзл, дочь бедного меламеда, обучающего еврейских детей в одном из местечек Польши. Теперь я живу в Америке. Что было у меня на родине? Ничего, кроме грез и слез. Я безумно мечтала о любви. Без нее не может существовать женское сердце, и не важно, что оно бьется в груди девушки не слишком молодой и бесприданницы.

На какого мужа я могла рассчитывать в нашем убогом городке? На старика? На вдовца с детьми? На увечного? Сватался как-то старый красноглазый водонос – его верхнюю губу украшала огромная волосатая бородавка. Хромой банщик предлагал свою руку с черными ногтями, под которыми скопилась вся грязь округи. И это претенденты на мою любовь? Только чудо могло изменить мою жизнь.

Пришло письмо из-за океана от Хани, дочери толстой Златы. Бывшая подруга звала меня в Америку. Она писала, что в золотой стране не женщины бегают за мужчинами, как Польше, а совсем наоборот. Сваты там не у дел. Девушки выходят замуж за миллионеров, выбирая лучших из лучших, и не нуждаются в приданом. Только в Новом Свете можно найти свою любовь.

Хани приводила в пример себя. Она работала швеей на рубашечной фабрике. Ее полюбил богатый Соломон Коэн. Он женился на ней и превратил в настоящую леди. Он боготворит ее. Целует день-деньской. Он купил ей пианино, она учится играть, она счастлива!

“Боже мой, какая удача привалила Хани, – твердили мясник, бакалейщик, сапожник и другие видные обыватели местечка, – какой успех! Ведь Хани толще своей матери!” Хани сообщала,

что в Америке действует строгий закон “Ladies First”, который означает, что мужчины в подземке уступают сидячие места женщинам, не позволяют женам носить тяжелые сумки, укачивают младенцев и даже помогают мыть посуду.

К нам зачастили агенты параконных компаний, прознавшие об огромном впечатлении, которое произвело письмо Хани на всех наших евреев: “Езжайте в Америку, вас ждет Новый Свет! Билет стоит всего пятьдесят рублей!”

О, как я мечтала поехать в золотую страну, вырваться из застывшей мертвечины! Там, только там, на другой стороне земли, я найду свое счастье! В нашем затхлом болоте нет достойных моей любви. Я решительно заявила родителям: “Если вам безразлично мое будущее – отправьте меня в Америку!”

- Ну, Залман, что ты скажешь? – спросила отца моя мать.
- А что я должен сказать, Хая? – ответил вопросом отец.
- Сара-Рейзл не найдет здесь мужа, останется старой девой, и не нянчить нам внуков от нее!
- У тебя есть пятьдесят рублей, Хая? Может быть, ты достанешь луну с неба для дочки?

Я не спала ночами. Я потеряла аппетит. Я бредила Америкой.

- Почему ты ничего не ешь, Сара-Рейзл? – спросила меня мать за завтраком.
- Потому что не могу! Я хочу в Америку! Я погибну здесь!
- Ой-вей, - воскликнула мать, - она хочет в Америку!
- Ты сошла с ума! – вскричал отец, обращаясь ко мне.
- У нас нет денег на билет тебе! – всхлинула мать.
- Можно продать книгу Торы и подсвечник! – вмешался Иосиф, мой младший брат.
- Лоботряс! У тебя сроду не бывало путных мыслей в голове! – заметила мать.
- Еврей расстанется с Торой и субботним подсвечником? – схватился рукой за сердце отец.
- В Талмуде сказано, что можно продать святую книгу ради счастья дочери! – возразил Иосиф.
- В Америке нет чудес! Кто возьмет ее без приданого? – умудренно сказал отец.
- Даже такое чучело, как Хани, нашла богатого жениха! – ухмыльнулся Иосиф.
- Наша Сара-Рейзл моложе и красивее! – заявила мать.
- Она выйдет за богача и всех нас заберет к себе в Америку! – подхватил Иосиф.
- Неужели вам кусок серебра и книга дороже меня? – крикнула я, стукнув кулаком по столу.
- Этот подсвечник – часть моей души, но я его продам... – сказала мать со слезами на глазах.
- Можно заложить, а не продавать, потом выкупим, - смягчил удар судьбы Иосиф.
- Я не стану вам на дороге, пусть Сара-Рейзл обретет счастье... – прошептал отец.

Я никогда не видела родителей такими печальными. Подсвечник и книга Торы – две вещи, два луча света в нашем бедном доме были заложены. Мать рассталась с субботним подсвечником, с которым выросла она сама, ее мать и ее бабушка. Я безумно жалела мать и отца, но ничего не могла поделать с собой.

Билет на пароконд был куплен. Соседи смотрели на меня во все глаза, и не было конца вопросам: “Ты действительно едешь? Что ты чувствуешь? Ты можешь уснуть ночью? Ты не забудешь нас, когда разбогатеешь?”

В последнюю субботу перед отъездом дом был пуст и темен, и сердце мое тонуло в темной пустоте. Отец произнес обычное благословение над вином, а мать заплакла. Он рассердился – суббота дана еврею на радость, и надо благодарить Бога! Грустно прошел день, словно покойника готовились провожать. “Знали бы люди, чего хотят, и не жгли бы их суетные желания!” – ни к кому не обращаясь изрек отец на исходе субботы.

Все местечко собралось провожать меня на станцию. Каждый хотел помочь нести узлы. Шли, мрачно, как на похоронах. Со мной прощались, точно я последний день живу на земле.

- Помни, ты еврейка! Не забывай молиться каждый день! – напутствовал отец.
- Посторайся сделать так, чтобы поскорее мы снова свиделись! – всплакнула мать.
- Выйдешь замуж – не забудь забрать меня к себе! – напомнил Иосиф.

Я вошла в вагон, и мне захотелось крикнуть: “Пропади к чертям билет! Я не хочу в Америку! Я хочу к своим!” Поезд тронулся, и через минуту исчезло из виду местечко. И вернулась мечта о Новом Свете и о любви. Я не считала дней, не спала ночей, не видела океан, не замечала звезд над ним. Мое сердце сжималось от радости – скоро я встречу свою любовь!

И вот, я очутилась в Америке. По десять часов в день я сидела за машиной и шила. Я жила в общежитии, устроенном для работниц фабрики и дома виделась только с товарками по цеху. Из скудного заработка я выкраивала гроши, чтобы отправить на родину в помощь родным.

Как найти суженого в золотой стране? Кто и с кем меня познакомит? Где я бываю? Я вижу людей только на работе, на улице, в подземке. Я так одинока, и что мне делать с моей мечтой о любви? Однажды я прочитала в еврейской газете “Тагеблат” объявление некоего свата по фамилии Зарецки. Попытать счастья? Я должна выбраться из могилы. А вдруг сватовство поможет?

И я отправилась в офис мистера Зарецки на Деланси-стрит. “Боже милостивый, что особенного я прошу? Чутьочку удачи, немножко счастья!” Эти мысли помогали мне заглушить стыд.

“Итак, мисс, что вам угодно?” – спросил мистер Зарецки и оглядел меня с ног до головы, словно приценивался к товару, - вы пришли за сватовством? А вы знаете, что у меня существует вступительная плата пять долларов?” Я была совершенно потеряна. Неужели этот алчный и отталкивающий тип способен помочь найти человеку его судьбу? Я протянула ему деньги – почти половину моего недельного заработка. Получив свое, он принялся расспрашивать меня и записывать ответы.

Мистер Зарецки тяжело вздохнул, узнав, что я не скопила денег. Своими жирными волосатыми пальцами он неловко ухватил щепотку табаку и сунул себе в нос. Я глядела на его могучую шею и сальное лицо. “И к нему идут люди, которые ищут любовь!” – горько подумала я.

“А разве в Америке девушка не может выйти замуж, не имея приданого?” – задала я безнадежно наивный вопрос. Ответный взгляд мистера Зарецки красноречиво выразил его мнение о моем уме. “Не молодая, не красавица, да еще и без денег! Но поскольку вы заплатили вступительный взнос, я обязан подумать, что могу сделать для вас!” – промолвил сват.

“У меня есть хорошее предложение, - сказал мистер Зарецки, полистав записную книжку, - вдовец с пятью детьми, торгует на Эссекс-стрит, возьмет девушку вашего возраста без гроша в кармане, если она умеет хорошо готовить.”

Не помню, как я вышла из офиса. Не знаю, как добралась до дому. Сутки я пролежала на кровати в прострации. “Где я? Где мой мир, где мои мечты? И это – золотая страна Америка?”

Если есть ад на земле – он в душе меланхолика. “Хватит ныть, Сара-Рейзл! - решительно заявила я самой себе, - поднимайся в этой жизни, и счастье придет!” Я должна стать американкой, я запишусь в вечернюю школу и начну изучать английский язык! Американские

девушки не ходят к сватам и не ищут женихов. А если не найдется достойный мужчина, то и это – не конец света, и есть еще много хорошего в жизни!

Я пришла в школу не с начала учебного семестра, и учитель изъявил готовность заниматься со мной индивидуально, чтобы помочь наверстать пропущенное. “Вот это человек – настоящий американец! – подумала я, - какой у него добрый взгляд, какой чудесный свет в глазах!” У меня потеплело на сердце. Он помогал мне выразить мысль по-английски, не подавал виду, что замечает мою взволнованность, смотрел на меня ласково. Школа – глоток свежего воздуха!

Однажды мой учитель спросил, откуда взялась моя неистощимая тяга к учению. Я ответила, что хочу стать настоящей американкой и жить среди таких людей, для которых имеет значение душа девушки, а не кошелек ее. Он положил свою руку на мою и проникновенно сказал: “Я помогу вам. Когда мало сил, то само желание похвально!”

Всю ночь я проплакала в подушку. “Дура, что с тобой? Почему ты ревешь?” – спрашивала я себя, - а что я могу поделать? Он такой красивый, такой добрый!” Учитель настолько превосходил меня, что казался мне божеством. Его лицо светило мне не только в школе, но дома, на фабрике, на улице. Я наслаждалась звуком его голоса, я непрестанно думала о нем. Я просыпалась по ночам, и в темноте комнаты облик его вставал передо мной.

О, если бы... Дух захватывали дерзкие мысли. Неужели возможно? Я была бы счастлива, как вольная птица небесная! Я восхищалась его спокойствием. Он был надежен, как деньги в банке. Однажды случился между нами важный разговор.

- Научите меня, как охладить сердце и добавить рассудка голове – я хочу походить на вас!
- Мое сердце не так уж холодно, а голова не слишком ясна. Я узник, скованный порядком!
- Вы скованы? Но у вас нет хозяев, и вам не надо продаваться за зарплату! И вы узник?
- Надо мной нет начальников, и я не тружусь на фабрике, но я томлюсь за решеткой традиций.
- Я не понимаю!
- Вы естественны и вы свободнее меня. Вы можете помочь мне больше, чем я – вам!
- Я свободнее вас? Я умираю от страха!
- Чего вы боитесь?
- Я боюсь своего сердца... Я хочу стать благоразумной, как все американцы!
- Мы слишком приземленные в нашем благоразумии. Нам не хватает вашего огня!

Я летела домой на крыльях. Мой учитель сказал, что я могу помочь ему! Эти слова непонятны, но так волнуют! Какая помощь от меня, и чему научу? Ведь все, что я знаю – я узнала от него!

Школа закрылась на каникулы, уроков не было, и я перестала видаться с моим учителем. Погасла душа. “Чего ты добилась своей учебой, Сара-Рейзл? – не щадила я себя, - где оно, твое счастье, и куда подевался твой американец? Ты по-прежнему трудишься как каторжная на фабрике, согнувшись над швейной машиной, а тому, кто зажег свет в твоём окошке, и горя мало!”

В отчаянии я написала ему письмо. “Вы называете себя учителем? Ваши книги не вразумили меня, как стать счастливой, работая у хозяина с утра до ночи. Я так и не выучилась существовать в бездушной пустоте. Я не могу обходиться только мыслями, как вы, я должна жить сердцем. Вы наслаждаетесь отпуском в деревне, а обо мне забыли, словно прочитанную книгу вернули на полку! Мне плохо, и я не знаю, что делать...”

Я сошла с ума! Я написала это письмо и я его отправила. Опустив конверт в почтовый ящик, я раскаялась, но было поздно. Горюя, поплелась домой.

Поднявшись по лестнице, я увидела, что дверь моей комнаты открыта. Я вошла. Боже! Небеса упали на землю? Это сон? На сундуке сидел мой учитель!

“Я должен был придти! Мне одиноко без вас. Я хотел сказать об этом до отъезда, но не знал как. Я написал вам много писем и все сжег – они были слишком похожи на меня такого, каким я вам кажусь. А я другой!”

Я слушала, и сердце рвалось из груди.

“Вы – мое спасение! Освободите меня от гнета правил и порядка! Я не могу жить без вас! Я люблю вас!”

Что я слышала? Это не сон?

“Я не молодая, не красавица, да еще и без денег!” – вот и все, что я смогла произнести в эту непостижимую минуту – слова мистера Зарецки.

“Вы моложе и красивее всех на свете, Сара-Рейзл! Скажите, что вы любите меня!” – воскликнул он, целуя мои волосы, глаза, губы.

У не находила слов. Я могла только плакать. “Чудо! – кричало мое сердце, - чудо Америки оказалось правдой!”

Воздух любви

Много лет я мысленно репетировала: вот, если встречу его – как поздороваюсь, каким взглядом смерю, сколько слов укора брошу в лицо, что скажу на прощание. Омрачу его дух, напомним, что разбил мне сердце. Ошибается, коли думает, будто жизнь моя есть жалкое прозябание, и пусть горечь потери кольнет и займет мое место в душе его. Случилась встреча, но вышло все не так, как загадано было.

Моя подруга Етта выходила замуж и настойчиво приглашала на свадьбу. Мне не хотелось идти – там соберутся люди непростые, денежные, а у меня и подходящего платья-то нет. Но Етта не отступала: “Сара, я так благодарна тебе, не разобаться бы мне в сердечных делах своих без твоей помощи. Приходи, умоляю! Подумаешь, наряд не слишком роскошный! Умные люди видят душу, а не платье!”

Уступка хранит дружбу. Одеда лучшее, что у меня было, и отправилась в шикарный зал торжеств на свадьбу к Етте. Поздравляя подругу, я увидела его среди гостей. Он был с женой. Она опиралась на его руку. Они прошли мимо. Я не поняла, заметил ли он меня.

Что делать? Я забыла все слова, что столько лет готовила к встрече. Голова шла кругом. Мне хотелось убежать, исчезнуть, но странная сила держала меня – может, сердце тянулось к нему? Туман протрации окутал мозг, я не помню, что было дальше. Я почувствовала прикосновение к своей руке. Это служитель. “Торжество окончилось, леди, мы закрываем зал! Вы в порядке? Вам нужна помощь?” Я очнулась. “Я не в порядке...” – пробормотала я и побрела домой.

Я вспоминаю мои лучшие дни. Мы любили друг друга, и прекрасен был мир вокруг. Нам казалось, что нет на свете никого счастливее нас, и мы жалели всех людей на земле – ведь не дано им жить в земном раю.

Мы гуляли взявшись за руки – словно летали над городом. Глаза сияли радостным светом, и он не вмещался в наших сердцах и падал на лица встречных прохожих, стирая с них тени забот и печалей. Мы дышали воздухом любви.

Давид учился на врача. Дни он проводил в колледже, а ночами дежурил в аптеке. Я работала швеей на фабрике. Мы оба были бедны, но богатством владели безмерным. Давид родился в Америке – настоящий американец, не зеленый, как я. Он старался превратить меня в американку. Покупал мне женский журнал, дабы просветить меня знанием о модных шляпках, блузках, юбках, о пирогах и соках, да и вообще о жизни вокруг. По выходным дням он приглашал меня в ресторан на обед и заодно учил есть, как требует этикет: салфетки, всевозможные ножи, вилки, ложки и множество тарелок и тарелочек – одна для хлеба, другая для масла, третья для картошки, четвертая... и так далее.

Когда на фабрике шестичасовой звонок возвещал конец рабочего дня, я знала наверняка: Давид уже ждет меня за углом, чтобы проводить до дому. Я таяла, слыша за спиной шепот товаров: “Ухажер на посту, поджидает нашу Сару. Ох, и отломилось же ей счастье с этим доктором!” По дороге домой он учил меня правильному английскому произношению. Трудная наука. И душа и речь хранят отпечаток родины. Если у меня хорошо выходило, он целовал меня. А если не получалось – он все равно целовал! “Быть счастливым – наш главный американский закон!” – говорил Давид.

Я жила со своей семьей в бедном квартале. Давид переселился поближе ко мне. Его комната отделялась от нашей кухни тонкой перегородкой. По утрам мы стучали в стену, возвещая друг другу о начале нового счастливого дня.

Однажды он подал мне красивый конверт. Я прочитала – это приглашение на торжественное вручение дипломов врачей выпускникам колледжа.

- Давид! Еще неделя и ты станешь настоящим доктором!
- У меня будет работа врача, и мы поженимся! – воскликнул он, целуя меня.
- Какое счастье! Я буду ждать тебя дома, готовить тебе, встречать с работы!
- Мой дядя, мистер Розенберг, специально приезжает из Бостона на торжество.
- Тот самый, который помог тебе выбрать колледж?
- Да, Сара. Он посодействует с началом практики. Дядя заботится обо мне, как о сыне.
- Какое доброе сердце! А что он думает про меня?
- Он еще не знает. Я познакомлю вас, и ты ему обязательно понравишься.
- Мама, Давид получает диплом врача! – бросилась я к матери с радостной вестью.
- Слава Богу! Какой молодец! – воскликнула мать.
- Его дядя мистер Розенберг едет из Бостона, чтобы помочь открыть ему практику.
- Ой-вей! Важный человек приезжает, а дом запущен, и дети в лохмотьях!

Целую неделю мы с матерью и отцом приводили в порядок квартиру. Чинили, красили, повесили на стены картинки из календаря, чтобы закрыть пятна, и до блеска вымыли окна, словно на пэсах. Младшим братьям и сестрам купили обновки – пусть выглядят приличнее.

В день торжества я не пошла на фабрику. Дети сверкали умытыми лицами и аккуратными прическами, на ногах у них красовались новые ботинки. Отца я заставила одеть белую рубаху,

какие носят мужчины в Америке. Мать нарядилась в праздничное платье. Младенец был завернут в лучшее одеяло и выглядел как кукла на витрине.

Когда Давид с дядей появились на пороге, родители стоя приветствовали вошедших. Мистер Розенберг был обладателем большого живота, красной толстой шеи и пронизательных глаз. Он холодно окинул взглядом наш дом и всех нас и не откликнулся на предложение отца пройти в комнату и присесть. Давид выглядел смущенным, говорил скороговоркой и старался не встречаться со мной глазами. Я чувствовала себя виноватой, сама не зная в чем. Почему-то я не решилась предложить гостям угощение – специально испеченный пирог и вино. Тут заплакал младенец. Воспользовавшись этим, мистер Розенберг наспех попрощался и вышел вместе с Давидом. Только закрылась за ними дверь, как дети расхватили куски пирога и бросились на улицу.

Мать увела отца в спальню для разговора. Душа моя трепетала. “Что мне его дядя? Ничего худого не случится с нашей любовью!” – успокаивала я себя. Зайдя на кухню, я услышала голос за стеной. Говорил мистер Розенберг. Высокомерие громкоголосо. Я припала ухом к стене в том месте, где была отломана штукатурка. Пусть лицемер упрекнет меня в подслушивании!

- Кто эта девушка, которая строила тебе глазки?
- Разве она тебе не понравилась, дядя? Она такая красивая!
- Какое отношение она имеет к тебе?
- Я женюсь на ней!
- Ты хочешь породниться с нищими? Ты сошел с ума?
- Сара красива и умна, и мне не придется стыдиться ее!
- Чем она поможет твоему будущему? Повесит тебе на шею свое голодное семейство?
- Дядя, вы ничего не знаете об их семье. Ее отец – образованнейший человек!
- Детский лепет! Я хочу видеть тебя здоровым обеспеченным американцем.
- Но я люблю ее!
- Чушь! Он любит ее! Бедность глядит из всех углов их дома. Не губи свою жизнь!
- Моя жизнь невысказана без Сары!
- Она неграмотная фабричная работница, у которой нет ни цента. Тебе нужна другая жена!
- Дядя, вы не передумали помогать мне с открытием практики?
- Конечно, не передумал! Но не становись добычей нищей хищницы! Подумай о карьере!
- Сара не хищница, а я не добыча! Я отказываюсь от карьеры, я люблю ее и я женюсь на ней!
- Ах, так? Где моя шляпа? Я устраниюсь от тебя и от твоего будущего!

Давид переменился. Мы прежде были одним существом, сейчас – не то. Когда я пыталась взглянуть ему в глаза, он отводил взгляд. Мне казалось, что он в чем-то винит меня, но в чем? Ночами я лежала без сна. Мне представлялся некий черный призрак, который витал над Давидом и вытеснял меня из его сердца и сам занимал освободившееся место, неудержимо вползая.

- Ты больше не любишь меня? – мрачно спросил Давид.
- Что говоришь ты, Давид? Моя любовь не изменилась! Я-то все та же...
- Я не хочу тревожить тебя своими заботами.
- Тревожь, тревожь меня! Иначе, для чего мне жить?
- Мой дядя пытается командовать мной, а я не согласен!
- Говори скорей, что мучит тебя!
- Планы на карьеру разбиты!
- Но любовь цела!
- Женившись на тебе, я стану жить с твоей семьей? Я не могу быть трупом!

- Любовь сама устроит все к лучшему!

Он странно посмотрел на меня, словно издалека. Потом обнял, стал целовать. “Я люблю тебя, люблю тебя!” – повторял он. Голос его был взволнован и дрожал. Я почувствовала: Давид в беде.

На следующий день он не встретил меня с работы, как обычно это делал. Я ждала его. Он никогда не опаздывал. Не случилось ли с ним несчастья? Испуганная, я бросилась домой – никто ничего не знал. Я боролась со своими страхами. “Он должен придти, вот-вот он появится!” – твердила я себе. Я послала младшего брата узнать, где Давид. “Соседи сказали, он уехал сегодня утром.” – услышала я ответ. Не давала дышать невероятная мысль: “Давид бросил меня?”

Семья отправилась спать. Я металась по своей комнате, как дикий зверь в клетке. “Не может быть! Он придет, он любит!” Я не раздевалась и не ложилась. Я прислушивалась к шагам на улице, к звукам на лестнице. “Нет, нет, он не может исчезнуть! Должно быть известие, телеграмма!”

Рассвело. Разбитая, я пошла на фабрику, надеясь забыться работой. Снова я ждала после шести часов. Он не пришел. Душа рвалась на части. Я не могла поверить свалившемуся горю. Это катастрофа. Как жить дальше?

Прошло время, и я узнала, что Давид открыл врачебный кабинет в благополучном районе Нью-Йорка. Дьявол подстрекнул меня написать письмо. “Мистер Давид Новак! Вы убили нашу любовь. Почему вы не убили меня?” Зачем я это сделала? Наверное, надеялась, что он явится, и я взгляну на него в последний раз перед тем, как отвернуться навсегда. И он пришел.

“Я убил любовь! Я бросил тебя! Прости!” – он упал передо мной на колени, схватил за руку. Вид его был жалок. “Сара, не молчи, скажи что-нибудь!”

“Лжец! – вскричал отец, ворвавшись в комнату, - не смей касаться моего дитя! Еще замараешь свою репутацию! Вон!”

Давид отпрянул, словно отец ударил его.

“Неужели ты станешь слушать этого червяка? – грозно крикнул мне родитель, - разве не говорил я тебе, что не будет счастья с вероотступником?”

“Пожалей меня, скажи хоть слово!” – взмолился Давид.

Я не понимала, чего он хочет. Мгновение колебалась – протянуть ему руки? Но мне представилось: вот лежит меж нами покойник – убитая им любовь, и Давид мертв, и во мне нет жизни.

Я вышла замуж за положительного и рассудительного Сэма. Мы были нужны друг другу. Родились дети. Я вспоминала Давида, голос его и облик не забылись. Я хотела и боялась встретить его.

Когда я узнала, что он обручился, я не смогла воспротивиться желанию увидеть невесту. Я отправилась к приличному каменному дому, где он жил. Дети плелись за мной, держась за юбку.

Издали я заметила ту, ради которой пришла. Боль пронзила сердце. Я утонула в воспоминаниях, жадно вдохнула воздух любви.

Вода и мыло дешёвы

Я закончила учительский факультет колледжа. Декан миссис Уайтсайд задержала мой диплом, и когда я явилась к ней за разъяснением, она сказала, что мой неподобающий внешний вид не позволяет ей рекомендовать меня на должность преподавательницы.

Миссис Уайтсайд не поскупилась на подробности – волосы причесаны далеко не идеально, ногти и руки не ухожены, вороничок пришит криво, платье нуждается в стирке. Она закончила сентенцией: “Аккуратным и чистым может быть каждый, ибо вода и мыло – дешёвы!”

Четыре года я училась под началом миссис Уайтсайд. Я трепетала перед ней. Я сжималась в комок, когда она проходила мимо, краснела и бледнела от страха получить грозное замечание. Если она вызывала меня к себе, я шла с боязнью, вроде той, что испытывает страдающий от зубной боли, когда попадает в кабинет дантиста, а тот начинает манипулировать у него под носом блестящими стальными инструментами пыток. Ее глаза буравили мои нечищенные туфли, знавшую лучшие времена одежду, черноту под ногтями. Она никогда не смотрела мне в глаза. Думаю, она не допускала мысли, что у людей вроде меня, с пятном на платье и мозолями на руках, может быть душа.

Разумеется, миссис Уайтсайд отдала мне диплом – по закону она не могла поступить иначе. Возможно, желая мне добра, она хотела напомнить о вещах, которые, по ее мнению, да и как вышло на поверку, были важными в жизни. Но скопившиеся обиды мешали мне преклонить ухо.

Я страдала за себя и за всех неумытых на земле. Безукоризненно опрятная миссис Уайтсайд олицетворяла для меня тиранию жестокого чисто вымытого мира. Она и я же с нею решали быть или не быть мне учительницей. Только непроницаемые люди судят по внешнему виду, и невдомек им, что наружное – лишь шелуха внутреннего.

Я училась в колледже днем. А с пяти до восьми утра и с шести до одиннадцати вечера работала в прачечной. Хотя я и была молода, но не хватало сил холить себя, как это делали благополучные студентки. Чистота их мира создавалась моими неухоженными руками.

Когда они садились завтракать, я успевала уже поработать три часа. После занятий они шли развлекаться и дышать свежим воздухом, а я торопилась к зловонным котлам, чтобы гнуть спину еще пять часов. Они обедали за столом, а я глотала куски на ходу. В одиннадцать они возвращались с концертов, а я в изнеможении валилась на кровать. Стоя за гладильной доской, я иной раз думала, нет ли в аккуратно сложенной кипе стираного белья белоснежных блузок миссис Уайтсайд?

Смолоду мое сердце волновали высокие порывы, хоть и туманные порой. А работа руками – не для души, для желудка она. Дух во мне кипел бунтарский. Не диво, что я потянулась к стихам моего земляка Розенфельда. И еще совпало – неутомимый Морис тоже изрядно успел потрудиться в нью-йоркской прачечной! Говорят, поэты сочиняют не головой, а сердцем, однако ж, его искусство навело меня на практическую мысль: иди учиться в колледж, и так найдешь и себя и свою стезю!

Девушка, соседка по дому, работница на сигарной фабрике, объяснила мне, что дорога в колледж проходит через подготовительную школу. Она ее закончила. Значит, и я так же сделаю! Когда тебе шестнадцать – чем труднее цель, тем сильнее магнит ее! Я зыдохалась в мертвечине настоящего и рвалась к иному будущему. Шесть лет подготовительной школы были годами дневной работы в прачечной, вечернего бдения за партой и круглосуточных светлых надежд.

И вот, я студентка колледжа. С юным пылом я вступила в сей изысканных правил вестибюль нового для меня мира. Увы, я расшибла лоб о стену холодного отчуждения. Сытое, чистое и хорошо одетое общество настороженно отнеслось к залетной птице. Я ловила украдкой бросаемые в мою сторону красноречивые взгляды: “Ты не наша. Приживешься? Изменишься?”

Дух мой поколебался. Я сэкономила каждый цент для платы за учебу. Я была одета хуже всех. Чувства ущербности и бедности, боль непричастности жалили мое сердце.

Я не слишком любила выпренные лекции и сушь пресных книг. Но, правду сказать, учение приходилось мне по сердцу – так я спасалась от тупой рутины однообразного труда. И продолжала верить, что в конце концов дойду до далекого, но достижимого горизонта.

Иногда мне вспоминался эпизод, случившийся в мой первый американский год. Я пришла в Сентрал Парк. Я радостно порхала как птичка, выпущенная из клетки на свободу. Я улеглась на склоне холма, вдыхала аромат зелени, глядела восторженно вверх. Надо мной по голубому небу плыли белые барашки облаков, а рядом стрекотали насекомые, и на сердце у меня стало хорошо-хорошо. Вдруг я услышала низкий строгий голос полицейского: “Мисс, вы не читали надпись на табличке? Нельзя лежать на траве!” Птичку вернули в клетку. Миссис Уайтсайд казалась мне тем огромным полицейским с дубинкой, который изгнал меня из рая.

Я имела диплом об окончании колледжа, но мне крайне трудно было найти работу учительницы. Те сопричастники чистого общества, от которых зависела моя карьера, слишком пристально глядели на мой отнюдь не изысканный наряд и на красные от горячей воды неухоженные руки. Они судили обо мне, как миссис Уайтсайд.

Нужда заставляла меня принимать самые невыгодные условия – работать на замену отсутствующих учителей. Зарплата выходила настолько низкая, что едва хватало на еду, а о новой одежде думать не приходилось. Вместе с тем мой неприглядный внешний вид был препятствием для получения хорошей должности, и я никак не могла вырваться из порочного круга. Впрочем, наниматели извлекали пользу из моих затруднений – за малую плату получали безотказного поденщика.

Обидеть легко, не то что вытерпеть обиду. Она грызла меня изнутри, негодование кипело в душе. Я хотела, чтобы весь мир узнал, что нет ни справедливости, ни равенства возможностей, ни демократии. Пятно на платье закроет двери карьеры и обречет на прозябание. Я боролась с желанием явиться снова в свой колледж в день какого-нибудь торжественного обеда, которые так любила устраивать миссис Уайтсайд, сорвать с благополучных леди и джентльменов их чистые костюмы, топтать их одежду на полу и кричать во всеуслышание: “Вода и мыло дешевы, вы слышите? Скорее несите в стирку ваши наряды!”

Я любила мечтать, я тянулась к высотам духа, я бредила американской свободой. От российских погромов и бездушия империи я сбежала в Новый Свет – ради света новой жизни. Я не нашла свою Америку ни в потогонном труде, ни в благополучном мире чистого общества. Мечта моя разбилась, но в глубине души жила вера, что ненайденное мною все же существует.

Мне казалось, если разорву я цепи одиночества и найду человека, готового слушать и понимать, вернется ко мне дыхание, и я вновь полечу искать золотую страну. Но где этот друг? Среди бывших товарок по прачечной? Они никогда не понимали моей души и злы на меня – ведь я не похожа на них. И в точности это же самое скажу об обитателях закрытого чистого мира.

Мне запомнилась преподавательница химии миссис Несс. Не столько предмет, сколько она сама притягивала меня. Ее отношение ко мне было не таким, как у других лекторов и профессоров колледжа. Казалось, она не против выслушать мои проблемы, а то и помочь. Порой мне хотелось сказать ей: “Миссис Несс, будьте мне другом, я так одинока!” Но я робела, а она опасалась показаться докучницей. Хотя мы говорили только о химических опытах и формулах, я воображала себе, что она понимает мою душу.

Примерно через десять лет после окончания колледжа я случайно встретила на улице миссис Несс. Я шла, предаваясь обычным невеселым размышлениям о плачевном своем положении – до сих пор я должна выпрашивать работу и не имею надежного места. Миссис Несс первая узнала меня, остановила, стала расспрашивать о моем житье-бытье. В беспросветности своей я уж думала, что кроме бездомных кошек и собак у меня не будет родственных душ. И вот чудо! Женщина из непроницаемого благополучного мира сердечно говорит со мной, как с равной, и не заносится, и сочувствует!

Миссис Несс пригласила меня к себе для делового разговора. За десять лет она выросла, стала профессором. Я не чувствовала скованности в ее кабинете. Как не похожа она была на миссис Уайтсайд! Я рассказала ей историю своей жизни, поведала о мечтах и разочарованиях. Меня слушали и понимали. “Внутри всякого города есть другой город...” – улыбаясь и пристально глядя на меня, сказала моя покровительница.

Конечно, миссис Несс помогла мне найти выход из лабиринта нищеты. Естественным образом остыло мое сословное бунтарство. Я была счастлива: обретя друга, я нашла свою Америку!

Тук земли

1

Миссис Роза Гирш постучала в окошко соседки.

- Миссис Пельц, вы можете одолжить мне бак для кипячения белья?
- С радостью, Роза, - а что приключилось с вашим баком?
- Неделю назад лудильщик, пройдоха этот, починил его, теперь образовалась новая трещина.
- Сколько вы заплатили?
- Пятнадцать центов. Мошенник просил двадцать. Гореть ему в аду!
- За ними глаз да глаз! Я освобождаю мой бак, заходите и берите, - сказала миссис Пельц.
- Секунду, я только привяжу Сэми к детскому стульчику, чтобы этот дикарь не свалился.

Роза Гирш затянула ремни вокруг буйного Сэми, сунула ему в рот соску и пошла к соседке обсудить важные дела и заодно взять бак.

- Вы слышали, Роза? Миссис Мелькер купила пятьдесят фунтов цыплят на свадьбу дочери!
- Серьезно? – удивилась Роза, и голодный огонь загорелся в ее глазах.
- Представьте себе! Цыплята истекают жиром, у меня сердце таяло смотреть на них!
- Пятьдесят фунтов! Что с этим делать?

- Миссис Мелькер сказала, что печенку она порубит с луком и яйцами для закуски.
- А что еще будет на угощение, миссис Пельц?
- Она зафарширует двадцать пять фунтов рыбы и приготовит жаркое в кисло-сладком соусе.
- А еще?
- Миссис Мелькер испечет штрудели на цыплячем жиру.
- У нас в местечке она рада была корке хлеба, а тут у нее цыплята на столе! – заметила Роза.
- Удача переменчива, - философски изрекла миссис Пельц.
- Да! В Америке я экономлю каждый цент, а там я жила в обеспеченной семье.
- А я в Польше служила поварихой у банкира. Жарила гусей, пекла шоколадные торты...
- Миссис Мелькер послала детей работать на фабрику – вот ее везение! – заключила Роза.

Беседа миссис Розы Гирш с миссис Пельц была прервана грохотом и громким басовитым ревом. Обе женщины бросились на кухню к Розе. Привязанный Сэми упал на пол вместе со стульчиком.

- Он убился! – вопила Роза, - доктора сюда! Мой ягненок! Я потеряла ребенка!
- Ненормальная! У него шишка на лбу. Приложите монету! – унимала соседку миссис Пельц.
- Он будет жить? – вскричала Роза с сомнением и надеждой.
- Конечно! Оденьте на него красную ленту – оберег от бед, а на шею – четки от дурного глаза.
- Спасибо вам, миссис Пельц! Я живу в вечном страхе за детей. Ах, Сэми, птичка моя!

Довольная собственной действенностью, миссис Пельц вернулась в свою квартиру и принялась драить кухонную утварь. Прошло немного времени, и вновь вбежала взволнованная Роза Гирш.

- Миссис Пельц, я не могу больше жить! Я молю Бога о смерти!
- Что опять случилось, Роза?
- Печь дымит, я зыдыхаюсь от смрада. Злодей-домовладелец не чинит дымоход!
- Все устроится, успокойтесь, Роза.
- К чему эти старания, Миссис Пельц! Что толку скоблить чугулки, если они снова закопятся?
- Я хочу, чтобы на праздник у меня дом блестел!
- Возможно, на вашем месте я бы делала то же самое. Но у меня голова идет кругом от забот!
- Что вы имеете в виду?
- Гляньте на этого кровопийцу, - указала Роза на Сэми, которого на сей раз взяла с собой.
- Прекрасный ребенок!
- Я его умою, а через минуту он опять грязный! Вот, он опять готовится зареветь!
- Наверное, хочет есть.
- Заткнись, обжора! – сказала Роза Гирш ласковое слово сыну и воткнула соску ему в рот.
- Грешно жаловаться на ребенка, Роза!
- Если б не надо было нянчиться с ним, я могла бы заработать несколько долларов!
- Бедненький! Раз уж он родился на свет – должен расти! – воскликнула миссис Пельц.
- Жизнь моя – нескончаемая мука! У других мамаш больше удачи...
- У вас пятеро, Роза, какому еще материнскому счастью вы завидуете?
- У одной дитя выпадет из окна, у другой – обварится насмерть, только этот разбойник...
- Стыдитесь, миссис Роза Гирш! – гневно одернула соседку миссис Пельц.
- Я кручусь, экономлю каждый цент, а толку нет. Все мои волчата вечно голодные.
- Терпение! Они вырастут, станут работать, и вы будете есть и пить от тука земли!

Тут Роза принялась изливать душу соседке. Какие только драки из-за еды не случаются у нее дома! Боже сохрани, если ломоть хлеба у Фани оказался толще, чем у Ави! Ушлый Джек так и норовит утянуть у маленького Бени картофелину покрупнее. Для голодного ребенка лучший кусок – самый большой. А в лавках продукты дорожают. Молоко – только в субботу. Раньше мясник давал в придачу кусок жира, сейчас взвешивает мясо вместе с костями! Миссис Пельц, которая жила ненамного легче своей соседки, придумала, как ободрить ее.

- Все будет хорошо. Дети вырастут, пойдут работать, заживете не хуже миссис Мелькер.
- Ах, бросьте! Эти американские дети не слишком охотно делятся с родителями!
- Вы не видите хорошего, потому что голодны. В желудке пустота – в глазах чернота!
- Где мне взять время, чтобы поесть? Я должна управляться со своими учителями!
- Попробуйте-ка мою фаршированную рыбу!

Миссис Пельц щедро положила на тарелку знатный кусок рыбы. И хоть лучшая приправа – голод, она все же не поскупилась на соус, рядом пристроила извлеченные из кастрюли пропитанные рыбным запахом овощи – свеклу, лук, морковь, и не забыла ломоть белого хлеба. Миссис Роза Гирш по-соседски запросто и без церемоний накинулась на угощение. Даже если бы Роза не рассыпалась в благодарностях, то быстрота опустошения посуды и увлеченное чавканье послужили бы достаточным свидетельством для миссис Пельц, как верно она угадала причину меланхолии гостя, и как славно удалась блюдо.

“Какая рыба, какой соус! – восклицала Роза, затирая хлебом тарелку, - давайте пожелаем русскому царю никогда не отведать такого чудного блюда, и пусть все наши горести падут на его голову, и чтобы корчиться ему от голода и умирать от страха, что не заплачено вовремя домовладельцу, и пусть сохнут его мозги, как найти работу!” Вдруг Роза побледнела: “Ша! Я, кажется, забыла о времени! Скоро двенадцать, придут из школы мои голодные головорезы, набросятся на меня, как стая диких зверей, а я еще ничего не купила и не приготовила обед!” Она стремглав выскочила за дверь и помчалась в дешевые лавки за покупками.

Тем временем дети вернулись из школы. Их не смутила запертая дверь. Они взобрались по пожарной лестнице и вошли в дом через окно. Матери нет, обеда нет. Обоняние подсказало Ави заглянуть в печь. Доставая горшок с горячей картошкой, он так сильно обжег пальцы, что уронил драгоценную ношу на пол. Пока Ави дул на руки, Джек и Фани бросились подбирать с полу дымящиеся клубни. В произошедшей свалке картошка была размазана по полу и не досталась никому. Еще на лестнице Роза Гирш услышала шум отчаянной драки – это ее голодный выводок коротал время в ожидании кормилицы. Громкие брань и проклятия матери перекрыли неокрепшие детские голоса.

- Дикари уже дома! Они явились, чтобы укоротить мне жизнь!
- Мама, мы голодные! Что ты принесла? – закричали дети, вцепившись в корзину.
- Это мой хлеб! – заорал Джек.
- Это моя селедка! – завопила Фани.
- Убийцы, вы рвете меня на куски! Где картошка?
- Ее уже нет! – хмуро ответил Ави.

Голодная команда мигом уничтожила две буханки хлеба и две селедки. Вдруг Роза заметила, что на месте не все. “Обжоры, где Бени? Он не вернулся из детского сада? Ой-вей, Бени нет! Ави, Джек, Фани – бегите и ищите его!” Дети проскользнули мимо матери, бросились на улицу и даже не подумли искать младшего брата.

С младенцем Сэми на руках Роза поспешила в детский сад. “Почему вы до сих пор не отпустили моего Бени?” – с порога закричала воспитателю Роза. Тот глянул в журнал и сказал, что Бени Гирш сегодня не явился.

“Горе мне! Где мой ребенок? – кричала миссис Роза Гирш, идя по улице. Она остановилась. Крики стали громче, истеричнее. Одной рукой она прижимала к груди младенца, другой – рвала на себе волосы и щипала щеки и подбородок. Услышав вопли, примчалась миссис Пельц.

- Что случилось, Роза?

- Бени! Мой бедный Бени!
- Что с ним? Он жив? Он в больнице?
- Он потерялся! Верните мне моего ребенка! Я схожу с ума! Я приму яд!
- Успокойтесь, Роза, смотрите, как вы напугали младенца! Дайте, я подержу Сэми.
- Бени – мое лучшее дитя! Моя единственная радость! – заламывала руки Роза.

Собралась толпа. В сопровождении соседей рыдающая Роза Гирш и миссис Пельц с Сэми на руках вошли в дом к несчастной матери. Тут появились Ави, Джек и Фани. “Вон из дому, разбойники! Отправляйтесь искать брата! – закричала гневная родительница, - Бени, моя жизнь, мое счастье! Сколько ночей я выхаживала его от кори! А коклюш!? Я научила его ходить и разговаривать. Какой умный ребенок! Сердце разрывается! Бени, мой ангел!”

В самый разгар истерики в дверях появилась огромная фигура полицейского. Он держал за руку зарезанного Бени. “Кто здесь миссис Роза Гирш? Забирайте свое чадо!” – произнес служитель закона и удалился.

Осчастливленная Роза бросилась к возвращенной потере. Первым делом стала драть сына за уши. “Куда ты подевался, негодный ребенок! Мало я натерпелась с тобой? Провалиться тебе на этом месте!” Соседи с трудом вырвали бедного Бени из нежных материнских рук. “Вы посмотрите на эту сумасшедшую! – вскричала миссис Пельц, - какой у нее дурной язык! Потеряв дитя, он восхваляла его, найдя – прокликает!”

Роза вытащила из тайного места неприкосновенный запас – кусок хлеба с селедкой и усадила плачущего Бени за стол. “Несчастный с самого утра маковой росинки во рту не держал! Ешь и подавись!”

2

“А вдруг она не вспомнит меня? Или прислуга не пустит на порог? – с опаской думала миссис Пельц, подходя к кирпичному дому на Восемьдесят Четвертой улице, где жила миссис Роза Гирш, - даже снаружи чувствуется богатство и благополучие – какие занавеси, жалюзи! Двадцать лет назад она жадно угощалась моей фаршированной рыбой, а теперь у нее дворец!”

- Миссис Пелец, как я рада видеть вас! – воскликнула миссис Роза Гирш.
- Мы вернулись в Нью-Йорк, - пробормотала миссис Пельц, оглядывая роскошную обстановку.
- Устраивайтесь поудобнее, снимайте платок, здесь тепло – паровое отопление.
- Эта шаль закрывает мои лохмотья, - заметила миссис Пельц.
- Пойдемте на кухню, там нам будет удобнее. Служанка отпущена, и я дышу свободно.
- Я в жизни не видала такой сверкающей кухни! – восхитилась гостя.
- Где вы остановились?
- Мы вернулись на Деланси-стрит...
- Как славно мы там жили, миссис Пельц! Какими хорошими соседями были!
- Я полагаю, Роза, сейчас вокруг вас общество получше!
- Нет! Тут никому ни до кого нет дела. Хоть сойди с ума, хоть умри – сосед не узнает.
- Вот уж не думала!
- А не поесть ли нам селедки с луком? Пока служанки нет дома. Увидит – засмеет!
- У меня слюнки текут от знакомого запаха!
- Я скучала по вам. Фани обещала помочь написать письмо, да разве дожدهшься от детей?
- Не грешите. Все говорят об удачных детях миссис Гирш! С чего начались ваши успехи?
- От мужа остались сбережения – пятьсот долларов, я открыла бакалейную лавку.
- А дети?
- Ави выгодно женился, заимел бизнес, теперь у него большая швейная фабрика.
- Я слышала. Я пришла попросить за мужа. Не найдется ли у Ави работа для него?

- Почему нет? У Ави сотни людей. Сыщется место и мистеру Пельцу!
- Долгих лет вам, Роза! Вы спасете нас! Ваши дети делают людям добро.
- Пожалуй. У Фани шляпное ателье на Пятой Авеню. Она дает работу бедным девушкам.
- А как дела у Бени, который вечно терялся?
- Бени самый умный. Он сочинил пьесу для театра на Бродвее. Раздал бесплатно сто билетов.
- Сочинитель? Вот это здорово!
- Джек – отличный маклер. Управляется с роскошными квартирами на Риверсайд-драйв.
- А грудничок Сэми?
- Малютка вымахал до потолка. Учится в колледже и играет в футбол. Защитник, кажется.
- Да, Роза, дети в Америке – это деньги в банке!
- Я горда ими! – самодовольно заметила Роза Гирш и тут же тяжело вздохнула.
- Вы как сыр в масле катаетесь!
- Я обеспечена, но деньги – это не все!
- Чего вам не хватает?
- У меня не стало друзей!
- Разве доллары – не лучшие друзья?
- Раньше, когда у меня не было денег, я так же думала.
- А теперь?
- Миссис Пельц, у коровы большой язык, а благословение она сказать не может!
- На что вы намекаете, Роза?
- У меня был нищий дом, но я была в нем госпожа!
- А теперь?
- В богатом доме я никто – боюсь осрамить детей. Я должна быть тише воды и ниже травы.
- Кажется звонят в дверь! – испугалась миссис Пельц.
- Ой-вей! Это служанка! Пойдемте скорей из кухни!
- Я лучше побегу домой!
- Я попрошу Ави, - шепнула Роза и незаметно сунула банкнот в карман миссис Пельц.

3

Семейство Гирш собралось на торжественный обед в честь успеха новой пьесы Бени. Мать и дети расселись вокруг нарядного стола.

- Бени, я пожарила твои любимые картофельные оладушки! – сказала миссис Роза Гирш.
- Спасибо, мама! – благодарно улыбнулся виновник торжества.
- Помнишь, сынок, как в детстве ты облизывал пальцы, когда ел их?
- Ой, мама, тише! – вмешалась Фани, - могут подумать, что мы выбрались из нищеты!
- Деликатнее, сестренка! Пусть мама угостит меня, чем хочет. Мой желудок выдержит!
- Говорят, Президент будет на спектакле? – спросил Ави, украсив грудь салфеткой.
- Непременно будет! – откликнулся Бени, - да и критика в восторге от пьесы.
- Замечательно! Ведь наша ложа – следующая за президентской! – добавил Ави.
- Мама, на Деланси могла ты мечтать, что мы увидимся с Президентом? – спросил Джек.
- Все благодаря его светлой голове! – воскликнула Роза Гирш, указывая на Бени.
- Почет – это хорошо, но сколько дохода дает тебе пьеса? – поинтересовался Джек.
- Десять процентов от общего сбора, - ответил молодой драматург.
- Сколько это, сынок? – полюбопытствовала мать.
- Можно опустошить все лавки на Деланси! – бросил Ави и не заметил огорчения матери.
- Ты помогаешь бизнесу, братец! Моя директриса миссис Ван Сайден будет на спектакле.
- Фани, вы с ней собираетесь торговать шляпами в антракте? – усмехнулся Бени.
- Нет, но она сумеет использовать для рекламы президентское соседство.
- Перевертыши! Прежде чурались нас, а теперь ищут нашего расположения! – бросил Бени.

- Кто тот красивый мужчина, что говорил с тобой? – спросила Фани, слегка покраснев.
- Интересуешься? – ухмыльнулся Бени и обернулся к матери, - мама, ты хочешь зятя актера?
- Она будет обсуждать с ним античную драму! – вставил слово Сэми, студент и спортсмен.

Тут случился взрыв. Миссис Роза Гирш не захотела больше терпеть зубоскальство своих образованных детей. “К чему эти вопросы? – стукнула она кулаком по столу, - вам нужны мои советы? Пусть моя дочь подцепит актера! Вашему полку прибыль – еще один насмешник над темной бабой! Президент придет на спектакль, а не один из вас не пригласил мать! Мои дети стыдятся меня!” В слезах она бросилась на кухню, громко хлопнув дверью. Пятеро преуспевающих молодых американцев виновато молчали.

- В чем дело Фани? Ты не пригласила мать? – с возмущением спросил Бени.
- Я как раз собиралась это сделать... В следующий раз...
- Ей обидно, и она права!
- Я могу представить ее миссис Ван Сайден? Или твоему актеру?
- Не торопись обольщаться, прелестница! Ты еще не покорила его сердце!
- Тем более я не должна рисковать своими шансами!
- Почему ты прячешь ее от людей?
- Мать обязательно найдет повод брякнуть, что мы жили на Деланси-стрит!
- У тебя нет сердца, - сказал Ави, и остальные братья согласно кивнули.

“Святоши нашлись! – разразилась Фани гневной речью, - в отличие от вас я исполняю свой долг! Я жила и живу с мамой! Сколько сил я потратила, пытаюсь цивилизовать ее! Все напрасно! А сраму приняла – немерено! Только она откроет рот – и все знают о нашем прошлом. Она не хочет понимать, что вредит мне своей болтовней. У короткого ума длинный язык. Вы, мужчины, свободны и добьетесь всего. А я, образованная и энергичная, останусь на бобах, потому что о девушке судят по ее матери!”

Из кухни донеслись крики Розы Гирш – она срывала гнев на прислуге. “Боже мой, я каждую неделю меняю служанку, где я найду новую?” – запричитала Фани. “У меня есть отличное предложение, - воскликнул Джек, авторитет в сфере нью-йоркской недвижимости, - солидный пансионат на Риверсайд-драйв. Кухонки в квартирах символические, а питание централизованное, причем великолепное. Служанка больше не потребуется!”

4

Задумано – сделано! Миссис Роза Гирш с дочерью Фани поселились в роскошном пансионате на Риверсайд-драйв. Обитатели этого рая едят в прекрасном ресторане на первом этаже. Кухни в квартирах отсутствуют за ненадобностью, поэтому не нужна служанка, и Розе не с кем ссориться, а на голову Фани приходится меньше забот и позору.

Миссис Роза Гирш чувствовала себя ограбленной. В доме на Восемьдесят Четвертой улице вид кухонной утвари и продуктов смягчал порожденные достатком душевные страдания и помогал выносить амбициозных детей. В пансионате соседи все, как один, чужие, они поглощены собой, и им ни до кого нет дела. Розе не хватало тепла и человечности. Удручала необходимость есть в ресторане – бесцельно много вилок, ложек, тарелок, салфеток. Да еще слышать упреки Фани: не глотай суп с жадностью, не сажай пятен на скатерть, не говори слишком громко! Кто в силах вытерпеть такое?

Миссис Роза Гирш восстала. Довольно! Покончено с рестораном, она станет покупать продукты и сама будет готовить себе еду на газовой плитке. Роза отправилась на Деланси-стрит, купила корзину и окунулась в море бесконечных лавок, киосков и лотков. Все вокруг знакомое, теплое,

свое – можно до хрипоты спорить у прилавка за каждый цент. Ведь торговаться – значит обманывать друг друга к выгоде обеих сторон.

Продавец рыбы схватил своей волосатой рукой большого карпа, высоко поднял его и заорал, зазывая покупателей.

- Женщины, не проходите мимо! Четырнадцать центов за фунт!
- Почему рыба? – строго спросила Роза, словно секунду назад не слыхала цену.
- Пятнадцать центов! – тихонько ответил торговец, увидев богато одетую покупательницу.
- Мошенник! Я слышала – четырнадцать! Куплю в другом месте!
- Постойте, леди, я терплю убытки, но для вас я сделаю тринадцать!
- Два фунта за двадцать пять, и ни центом больше!
- Почин на счастье! – воскликнул продавец и швырнул жирного карпа на весы.

Роза вернула торговцу сдачу с доллара – “Возьми это себе!” Купив рыбу, она направилась в овощную лавку. Она отчаянно сбивала цену, а потом оставляла щедрые чаевые, испытывая двойное удовольствие. Роза вернулась домой с полной корзиной, из которой торчал хвост четырехфунтового карпа, а восхитительный запах селедки и лука опережал ее на несколько шагов.

Вывеска у подъезда предупреждала, что покупки следует вносить через вход с задней стороны здания. Саботируя назойливые правила, Роза гордо прошествовала с корзиной в мраморный вестибюль и сама вызвала лифт. Тут подскочил озабоченный швейцар, услужливо взял у нее корзину и приготовился звать рассыльного мальчика. Роза выхватила из рук швейцара свою ношу и гневно бросила ему в лицо: “Я донесу сама! Вы кто? Вы русский казак, чтобы командовать в моем доме?”

Швейцар заметил на сей раз строго, что миссис Роза Гирш поступает вопреки установленному порядку. Костью в горле застряли у Розы нескончаемые правила. Она обрадовалась счастливой возможности излить накопившееся негодование. “Можете отправляться к черту с вашими законами и медными пуговицами на мундире! Америка свободная страна, и вы мне не указ!”

Тут, как на грех, вошли Фани и ее директриса миссис Ван Сайден, которая решила удостоить ее визитом. Заметив дочку, Роза Гирш сгоряча кинулась к ней за помощью: “Фани, этот наглый швейцар не пускает меня в лифт с моей корзиной!” Сгорая от стыда, Фани взяла у матери корзину и велела мальчику поступить с ней, как положено. Законопослушное поведение дочери еще больше разгневало Розу, и в раздражении она не стала дожидаться лифта и решительно зашагала вверх по ступеням.

“Вот трагедия моей жизни!” – пожаловалась Фани миссис Ван Сайден. Опасаясь, что постороннее присутствие может раздуть огонь семейной ссоры, учитывая миссис Ван Сайден распрощалась с Фани, попросила ее успокоить разволновавшуюся родительницу и пообещала прийти в другой раз.

- Мама, ты разрушаешь мою жизнь! – с порога крикнула Фани.
- Чем твоя мать не угодила тебе на этот раз?
- Зачем ты принесла сюда эту вонючую корзину?
- Я буду сама готовить себе еду!
- Ты отжываешь от дома нужных мне людей!
- Ложь!
- Нет, это правда! Сегодня Бени приведет артиста. На чай. Что ты учудишь на этот раз?
- Зачем тебе артист?
- Он красивый и богатый мужчина. Прекрасная партия для меня. Подумай о судьбе дочери!

- Я не вечна. Умру и освобожу вас. Но пока я жива, я не позволю моим детям душить меня!
- Такова твоя благодарность, мама, за все, что я и братья сделали для тебя?
- Что вы сделали? Матери дороже сухая корка, чем тук земли, что дети дают ей без любви!
- Моей любви тебе надо? В детстве я знала только колотушки, проклятия и попреки куском!

Вошел мальчик с корзиной. Роза со злостью швырнула ее на пол. Содержимое вывалилось на персидский ковер. Роза схватила шубу и бросилась вон из дома. Ей было необходимо понимание, она рассчитывала найти его у миссис Пельц.

- Я примчалась к вам, чтобы выплакать свое горе! – объявила Роза Гирш.
- Что случилось, Роза? – испугалась миссис Пельц, сидевшая с мужем за убогим ужином.
- Мои дети презирают меня!
- Разве они не дают поводов гордиться ими? – спросил мистер Пельц.
- Президент аплодирует пьесе моего сына, а для матери не нашлось места в зале!
- Обидно! – согласилась миссис Пельц.
- Мне нечем наполнить желудок. В их ресторане есть только салфетки, вилки и листья салата!
- Неужели вы голодаете, Роза? – крайне удивилась миссис Пельц.
- Я сыта американской пищей! Тарелки полны и красивы, а во рту солома!
- Роза, вы грешите перед Богом. Если продать вашу меховую шубу – семья может жить год!
- Не завидуйте мехам! Они не греют болящую душу матери, когда дети стыдятся ее!

Роза залилась слезами. “Почему они чураются меня? Разве не мать сподобила их на успехи, дала толчок? Разве не я зажгла огонь в их сердцах? Кто показал им пример упорства? Или все с неба свалилось? Я не спала ночами, я нянчила и выхаживала их. Я сэкономила на себе каждый цент, чтобы они не голодали. Разве не ради их учебы я открыла бакалейную торговлю на жалкие пятьсот долларов? Ни я, ни муж мой, ни родители наши, ни их родители не видели жизни в Польше. Я вывела детей в люди, я делала все, что могла! Черная неблагодарность в ответ!”

- Не нам разбирать ваши семейные дела, Роза, - заметила миссис Пельц.
- Поначалу дети любят нас, потом судят, а прощают редко... – вздохнул мистер Пельц.
- Вы вся в мехах и бриллиантах, Роза, - сказала миссис Пельц, - вы забыли, что такое бедность!
- Позвольте мне переночевать у вас, пусть дети поволнуются из-за меня!
- Но у нас только одна кровать! – воскликнула миссис Пельц.
- Я улягусь на полу, завернусь в шубу.
- Я постелю себе на стульях, - сказал мистер Пельц.
- Вы ляжете со мной, Роза, - обреченно произнесла миссис Пельц.

Матрац состоял из горбов и ям. Одеяло не спасало от ночного холода. Стаи насекомых ползали по стенам, забирались в постель, вершили пир. С темнотой повыползли мыши из щелей и сновали на полу в тщетной надежде найти поживу. Кухонная раковина источала зловоние из своего чрева. Миссис Роза Гирш едва дождалась утра.

Ночь без сна обессилила Розу. Она немногословно распрощалась с четой Пельц, оставив несколько долларов. “Я не знаю, куда мне идти!” – с горечью думала она, бродя по бедным улицам своей молодости. Роза Гирш поняла, что не в силах вернуться к прежней жизни, отказавшись от комфорта, каким бы немилым он ни был.

Роза спустилась в подземку. Доехала до Риверсайд-драйв. Снова перед ней ненавистная мраморная гробница пансионата. Вошла. Поднялась в комнаты. Села на стул. По морщинистым щекам текли слезы: “Вкушать тук земли – счастливый удел мой...”

Свои и чужие

Софи не торопясь шла по улицам бедного нью-йоркского квартала, прокладывая себе путь сквозь шумную людскую массу еврейских иммигрантов. Небольшой чемоданчик в руке вмещал все ее имущество. Кричали продавцы, зазывая покупателей, женщины с корзинами рыскали в поисках провизии подешевле, дети вопили и путались под ногами. Она намеревалась снять комнату и справедливо полагала, что дешевле, чем в этом убогом месте, ей жилья не найти.

Наконец Софи заметила в окне первого этажа клочок бумаги, исписанный крупными корявыми буквами: “Сдается комната почти даром.” Софи постучала. Голос изнутри пригласил ее войти. Она увидела нечто напоминающее сапожную мастерскую. Пожилой мужчину склонился над горшком с дымящейся вареной картошкой. Он раздавал клубни окружавшим его мальчикам и девочкам. Драная одежда детей красноречиво свидетельствовала о мере процветания их родителей.

“Здесь сдается комната?” – спросила Софи. Не отрываясь от своего занятия, мужчина кивнул в сторону ведущей наверх лестницы: “Роза Гирш сдает.”

- Великолепная комната, мисс. Лучшей вам не найти. Чтоб я так жила! – заявила Роза Гирш.
- Здесь полумрак! – заметила Софи, оглядев каморку.
- Вот, я включаю газ – и уже светло, как на улице.
- Напротив зловонная свалка!
- Ничего страшного. Надо закрыть окно.
- А мебель где?
- Перевернутая бочка – стол, ящики – стулья, а у стены – кровать!
- Да в этой койке всего три фута длины!
- Если придвинуть ящик – кровать будет по вашему росту, мисс.
- Сколько вы просите?
- Три доллара в месяц. Спальня Рокфеллера лучше, но стоит чуть дороже!
- Да-а-а-а...
- Ваше “да-а-а-а” – это “да” или “нет”?
- Я согласна, - сказала Софи с глубоким вздохом и протянула деньги Розе Гирш.
- Вы почувствуете себя дома, а я буду вам заботливой матерью!
- Извините меня, но сейчас я должна работать.
- Ухожу, ухожу, моя юная жилища! Долгих лет вам, и будем обе счастливы!

На прощанье Роза Гирш, как могла кратко, описала Софи достоинства ее нового места обитания. “Рядом живет торговка рыбой, на субботу она уступает соседям товар со скидкой. Внизу разместился сапожник Шмендрик. Замечательный человек. Правду сказать, никакой он не сапожник, зато большой знаток Торы, очень уважаемый за образованность. Детям он чинит ботинки бесплатно. Он святой, делится с людьми последним куском. Делая другим добро, человек себе приносит счастье.”

Оставшись одна в свой (наконец-то в своей!) комнате, Софи принялась размышлять о свершенном ею решительном поступке. Она покинула верный родительский дом и оставила работу, что худо-бедно кормила ее. Она окончила учебу в вечерней школе. Голова наполнилась глубокими и важными мыслями, которым не терпелось превратиться в слова, в страницы, в книги. Она пожертвовала благополучием, но это был верный шаг, ибо она не могла не писать. Когда есть, что сказать людям, человек обязан отомкнуть ковчег своих идей.

Софи разложила на кровати и на бочке-столе черновики. Пробежала глазами заголовки задуманных очерков: “Верь в себя”, “Поиск идеала”, “Будущее с тобой”. С чего начать? Впечатления трудного дня мешали сосредоточиться. “Почему писанина моя выходит неуклюжа?”

Видно, не великая я мастерица слова! Но нельзя же и дальше оставаться немой, душа не хочет молчать! Боже, пошли мне вдохновение!”

Дни шли за днями. Софи терпеливо распутывала клубок мятущихся мыслей. Выпрямленные, они послушно ложились на разлинованную бумагу. Написанное не нравилось ей – абзацы казались громоздки, фразы – тяжеловесны, слова – не точны. Она зачеркивала целые строки, надписывала сверху, начинала сызнова. Она упрямо трудилась и верила, что наитие непременно снизойдет, и листы заговорят устами ее сердца. Увлечь книгой способных думать – вот торжество писателя.

Кажется, выдалось удачное утро. Фразы ожили, задышали. Софи торопилась писать, покуда не сбежала окрыленность, и меткие слова стекали с пера на бумагу. Как на грех раздался стук в дверь – это соскучилась благонамеренная Роза Гирш.

- Дорогая моя сочинительница, я принесла вам чаю!
- Ах, миссис Роза, я вам так признательна! Жаль, что я очень занята.
- Не благодарите, Софи – сахару-то нет! В Польше к чаю подавали варенье, а тут что?
- Мне и так хорошо, - сказала Софи, пытаюсь не потерять мысль.
- Мой муж Иосиф не добытчик. У него чахотка, - пожаловалась Роза, садясь на край кровати.
- Желаю ему выздоровления, - механически ответила Софи, продолжая писать.
- Я не знаю, для кого мне беречь молоко – для больного Иосифа или для голодных детей?
- Я тоже не знаю... – рассеянно заметила Софи.
- Если умрет – получу пенсию. Чтоб эти филантропы своих детей кормили на такое подаяние!
- Да, да...
- Моей Фани четырнадцать – кожа да кости. Сердце разрывается посылать ее на фабрику!

Терпение Софи истощалось. Пропадали драгоценные минуты вдохновения. Она приготовилась выпроводить Розу Гирш самым бесцеремонным образом, но тут снова раздался стук, и в дверь просунулось сначала бледное лицо, а потом вся тщедушная фигурка Фани.

- Меня выгнали с фабрики, мама! Инспекторша сказала, что мне нет еще четырнадцати!
- О, горе мне! Почему ты не спряталась, когда пришла инспекторша?
- Я хотела, но она поймала меня... Она сказала, что мою мать арестуют и посадят в тюрьму...
- Меня в тюрьму!? Я им покажу! Мы в Америке или в России?
- Инспекторша еще сказала...
- Все беды на ее голову! Лавочник не отпускает мне хлеб в долг, а платить нечем!
- Миссис Роза Гирш, успокойтесь! – не выдержала Софи.
- Как успокоиться без зарплаты Фани? Как я куплю хлеб! Я приму яд, я хочу умереть!
- Инспекторша еще сказала...
- Гром ее разрази! От хорошей жизни я отправляю ребенка на фабрику, а не в школу?
- Инспекторша еще сказала...
- Гореть ей в аду! Что хуже – посылать детей работать или смотреть, как они мрут с голоду?
- Инспекторша еще сказала...
- Чтоб не мои, а ее дети голодали! Она заплатит вместо меня мяснику и бакалейщику?
- Инспекторша еще сказала...
- Еще раз напомнишь мне об инспекторше, и я задушю тебя!
- Фани хочет что-то сказать! – вступилась Софи за ребенка.
- Без инспекторши знаю – девочка должна быть в школе. А какое учение на пустой желудок?

Роза Гирш вытерла углом передника заплаканные глаза. Софи больше не сердилась на свою хозяйку. Гнев улетучился, ей было бесконечно жаль и мать и дочь. За ними вставали тени тысяч

и тысяч таких же несчастных, что бьются о каменную стену бессердечия. Может, она писала не о том, о чем следовало писать, и потому так трудно шла работа?

Тут раздался шум голосов и топот ног – явились младшие дети – Ави, Джек, Бени и Сэми.

- Мама, что поесть?
- Мама, я голодный!
- Пахнет картошкой!
- Почему горшок пустой?
- Мама, он выхватил мой кусок!
- Это мое! Отдавай!
- Обжоры! Волки! – возопила Роза Гирш, - Боже, сними с моей груди этих пьявок!
- Роза! Как можно? Ведь это дети! – вмешался вошедший Шмендрик.
- Вам легко быть добрым, а мне нечем кормить эту стаю зверей!
- У меня есть торт и еще кое-что! Все быстро ко мне! – воскликнул Шмендрик.
- Ура, ура! Торт и еще кое-что! – дружно заорали дети и бросились за богачом на час.
- Друг прислал из Калифорнии. Софи, прошу присоединиться! – пригласил Шмендрик.
- Торт, орехи, изюм, апельсиновый сок! – перечисляли дети, отодрав крышку фанерного ящика.

Шмендрик нарезал торт на куски, разделил изюм и орехи. Роза наполнила стаканы соком. Вместо благословения она напутствовала всех на долгую жизнь, а незамужней писательнице пожелала вдобавок жениха-миллионера. Голодная публика сперва уплетала лакомства быстро, а потом убавила прыть, дабы продлить удовольствие.

Софи отметила про себя, как минуты удачи, столь редко посещающие Розу, расправляют морщины не ее лице, зажигают добрый огонь в глазах, стирают привычную брань с ее уст. “Чем жизнь горше, тем забвение слаже! – размышляла Софи, - тяжело приходится этой женщине, но даже короткая искра перемены успеваает осветить душу. Бурно меняются ее чувства – от отчаяния и озлобления до благодушия и доброты. Какой сочный язык у нее! Она – сама естественность. Вот у кого я должна учиться!”

Доедая кусок, Роза Гирш делилась воззрениями и мечтами. “Жизнь богачей пуста, чтоб им самим пусто было! Кабы выиграть мне в лотерею – я бы подняла голову! Заодно купила бы себе автомобиль, отвезла бы на Пятую Авеню еду, которой потчуют моих детей леди из Общества социального милосердия, да накормила бы их чад этими харчами!”

И только Роза упомянула Общество социального милосердия, как без стука вошел ревизор сего ведомства. “Мистер Шмендрик, миссис Роза Гирш, верить ли мне глазам моим? Роскошный праздник среди мнимой нищеты? – воскликнул непрошенный гость, - я рад видеть ваше благополучие!” С этими словами ревизор удалился, посеяв в обитателях дома дурное предчувствие.

Роза объяснила удивленной Софи цель периодических посещений ревизоров. Они должны быть уверены, что их подопечные еще не едят друг друга, и что Общество не зря старается научить бедняков обходиться без мяса, молока и яиц, заменяя эти излишества блюдами из кукурузной муки – десять центов в день на человека. Известное дело: изобилие – прямая дорога к пороку. Общество так усердствует, что скоро неимущие привыкнут чувствовать сытость, не отягощая желудок едой.

За окном послышалось шуршание шин подъехавшего автомобиля. В дверях показались двое мужчин – ревизор и его шеф.

- Мистер Бернштейн, убедитесь, как недурно питаются в этом доме! – воскликнул ревизор.

- Мистер Шмендрик, вы получаете помощь, обманывая нас! – заявил мистер Бернстайн.
- Я обманываю Общество? – побледнел Шмендрик.
- Вы далеко не голодаете! – продолжал обличитель.
- Это угощение мне прислал друг в подарок!
- Еще один обман! Прежде вы утверждали, что у вас нет друзей!
- Это давний друг. Мы были в разлуке. Он появился здесь только сейчас!
- Позвольте, мистер Шмендрик, что это за документы?
- Вы смеете трогать мою переписку?
- Конечно смеем! В письме упомянуты дорогие подарки. Вы нам не сообщили о них!
- Он ничего не брал себе, он все отдавал детям! – вступилась Роза Гирш.
- Спасибо, вы обнаружили обманщика! – сказал мистер Бернстайн ревизору, не замечая Розу.
- Казаки! – взорвалась Софи, - не ваше Общество, а униженный вами Шмендрик милосерден!
- Вы – позор еврейства! Каменный сердца! Олрайтники толстобрюхие! – добавила перцу Роза.

Не удостоив женщин ответом, ревизор и мистер Бернстайн скрылись за дверь. Дети обступили Шмендрика, взяли его за руки, гладили, жалели. “Не убивайтесь, мистер Шмендрик, - утешала Роза, - кто живет для людей, себя обязан беречь!” Старик достал с полки Писание. Открыл книгу Иова, стал читать вслух. “И я ужасаюсь, вспомнив, и дрожь сотрясает мое тело: отчего нечестивцы живы в славе и в роскоши? ... Дома их безопасны от страха, и бича Божьего нет на них...”

Софи вернулась в свою комнату. Волнение переполняло ее. Она схватила бумагу, карандаш, стала быстро писать. Ей казалось, будто шоры спали с глаз ее. Она трудилась всю ночь напролет. К кому она обращалась? К Богу, к людям? Писатель говорит с другими, не с самим собой. “Наконец-то мысли текут легко, - шептала она, - из души моей льются на бумагу слезы Шмендрика, Розы, ее детей, всего народа. Не смолкнет в моем сердце плач их, пока Америка не услышит его! Писать – значит осмеливаться...”

Я открыла Америку

1

Мой отец, бедный меламед, учил детей науке Божьей. Помнится, во время урока он восседал на стуле в центре нашей единственной комнаты. Рыжая борода касалась листов раскрытой на коленях книги. Вокруг на лавках, служивших ночью спальными местами мне и моим младшим брату и сестре, сидели соседские мальчики и слушали, как отец, раскачиваясь, читал вслух пророчества Исаяи. Он произносил слова медленно, нараспев, а ученики повторяли за ним.

Мне было десять лет. Я несла вахту у окна – моя обязанность состояла в том, чтобы вовремя предупредить о появлении на дороге казака. Дети успеют разбежаться, и царский посланец не возьмет в толк, что в нашем доме действует незаконный хедер.

Учение шло своим чередом. Курица с выводком цыплят расхаживала по дому, не проявляя никакого интереса к словам пророка, но отыскивая на земляном полу случайные крохи. У плиты хлопотала мать. Клубень за клубнем очищенная от шелухи картошка погружалась в глиняный горшок. Потом на столе появились чашки и ложки. Я с вождением глядела на толстые ломти черного хлеба – мать нарезала буханку на равные доли по количеству едоков.

Обед! Клич сей дважды повторять не требовалось. Голодная, я покинула свой пост и принялась уплетать картошку. Горячее рассыпчатое чудо таяло во рту. Хлеб я сдабривала крупной солью. Справедливая награда за охранный труд.

И тут без стука и предупреждения распахнулась дверь. Это незамеченный мною казак с важностью и не нуждаясь в приглашении прогремел сапогами до середины комнаты. Увидев сидящих на лавках мальчиков, смысленный воин сообразил, что попал в хедер. Он достал из сумки бумагу и огласил нам царский указ, который ради блага евреев запрещал учить детей в помещении, где едят и спят. Тысяча рублей штрафа или год тюрьмы, если безобразие не будет остановлено! Щелкнув каблуками и лязгнув шпорами, казак вышел. Угроза живет в каждом указе, а противоречить ему невозможно.

“Царь сдирает последнее мясо с наших костей! – заголосила мать, - как нам теперь жить? С голоду умереть? Где нам есть и спать? Или держать хедер прямо на дороге? У нас нет ста комнат, как у царя!”

“Над нами Бог, Он видит это...” – почти беззвучно проговорил отец.

Я заметила в окне столб пыли на дороге. Возбужденная толпа евреев нашего местечка приближалась к дому. Впереди всех топала Маша Миндл. Двое ее малых детей едва поспедали за матерью, держась за юбку. Булочник, водовоз, сапожник, пастух, их жены и чада – следовали за Машей. “Еще напасть?” – испугалась мать. Но нет, худого не случилось. Маша Миндл получила письмо из Америки от мужа Гедалье Миндла, в прошлом водовоза. Шумная орава требовала моего отца, самого грамотного в местечке еврея – только он прочитает письмо точно и без ошибок.

Отец взял в руки письмо. Маша Миндл вытянула шею, насколько это было возможно, остальные мужчины и женщины смолкли, прекратили обмен предварительными мнениями, и даже дети, учуяв важность момента, утихли. Слышанное ли дело – еврей приготовилась молча слушать!

“Бесценная моя супруга Маша Миндл!

Любимый сын Мойшеле!

Зеница ока и гордость жизни моей, ненаглядная дочь Ципореле!

Долгие годы всем вам, и пусть снизойдет на вас благословение небес, и да хранит Бог мое семейство от бед!

Во-первых, сообщаю, что пребываю я в полном здравии, и от вас хочу слышать то же.

Во-вторых, похвастаюсь: судьба благоволит мне, и я стал бизнесменом. Вы, конечно, не знаете с чем это едят, и я поясню. Мой бизнес – бананы и яблоки. В самом людном месте Америки, где народу много, как мух на ваших кухнях, где ярмарка кипит каждый день – я владею киоском и продаю фрукты. В конце дня я имею прибыль два доллара, а это четыре рубля.

Представьте себе – бывший водовоз Гедалье Миндл имеет двадцать четыре рубля в неделю!

В-третьих, белый хлеб и мясо я ем каждый день, как миллионер.

В-четвертых, я больше не Гедалье Миндл, а мистер Миндл.

В-пятых, здесь не живут в одной комнате люди, куры и коровы. У меня свой дом, и дверь закрывается на замок, и никто не зайдет ко мне без стука и без моего желания.

В-шестых, представьте себе – в Америке нет царя!

В-седьмых, когда страна выбирает Президента, ко мне подходят и спрашивают: “Мистер Миндл, кого вы хотите видеть во главе государства?” И я достаю свой документ и голосую.

И пусть все евреи, что страдают от погромов, казаков и указов, поднимут голову и совершат, наконец, смелый поступок и пересекут океан.

Бесценная моя супруга Маша Миндл, я посылаю тебе пятьдесят рублей денег на билет (дети едут бесплатно!), чтобы ты с нашими чадами без лишнего промедления отправлялась в Америку, где с великим нетерпением ожидает воссоединения с семейством любящий муж и отец,

навек твой,
Гедалья Миндл.”

Мой отец окончил чтение. На высохшем от забот лице Маши Миндл нарисовались великие надежды и немалые сомнения. Со всех сторон на нее глядели завистливые и восхищенные глаза. Мойшеле и Ципореле уставились на мать. Выдержав нелегкое испытание пятиминутным молчанием, толпа вознаградила себя бурными и громогласными дебатами.

- Водовоз зарабатывает двадцать четыре рубля в неделю!
- Он теперь не водовоз, а бизнесмен!
- Я не понял, что такое бизнесмен?
- Это когда торгуют яблоками в киоске.
- Мистер Миндл – большой человек!
- Маленький человек не ест каждый день белый хлеб и мясо!
- В Америке нет маленьких людей!
- У нашего Гедальи комната запирается на замок!
- Он может не впустить казака в дом!
- Казак не откроет дверь, пнув ее сапогом!
- Да в Америке вообще нет казаков!
- В Америке нет царя!
- Нет царя!

Горланя и жестикулируя, люди расходились. Все думали об одном и том же: “Как уехать в Америку? Где взять денег на билет? Что продать или заложить? Как добраться до золотой страны, где нет царя?”

Отец, мать, и мы, дети, сидели на лавках и глядели друг на друга. “Пятьдесят рублей стоит билет на пароход. Какая удача выпала Маше Миндл! – с завистью думала я, - а наша семья чем хуже? Америка – страна для всех!”

- Своим указом царь выталкивает нас в Америку, – воскликнула мать, - у нас нет выбора!
- Сумасшедшая! – осадил ее отец, - на какие деньги? Мертвый поднимется танцевать?
- Я готова танцевать по волнам океана до самой Америки! – весело возразила мать.
- Пустые карманы – вот ваши мечты! – мрачно сказал отец, - мы слишком бедны!
- Даже мечта об Америке – это уже богатство! – заметила мать.
- Продадим пуховые постели и самовар! – закричали все дети хором!
- Давайте продадим козу! – добавила я.
- Продайте зимние вещи – надейтесь, что там всегда лето! – съязвил отец.
- Каждый день будем есть белый хлеб! – закричала сестра.
- Каждый день у нас будет кусок мяса! – подхватил брат.

Мать привела в дом скупщика Берла. Мы приготовили все, что можно было заложить или продать. “Берл, нам нужно сто рублей на два билета! – прямо заявила мать, - вот меховое пальто, пуховая шаль, стеганое одеяло, самовар – и все другие вещи, что ты видишь в комнате.” По своему обыкновению Берл начал торговаться. Но горячие слова матери, увещевания отца, наши детские слезы и, что тоже нельзя исключить, хоть и проверить невозможно, тихий шорох совести скупщика, сделали свое дело, и мы стали обладателями нужной суммы.

Мы плыли третьим классом. Грязные узлы, морская болезнь, гнусные запахи. Но я не замечала вокруг себя ничего худого. Я мечтала о новой жизни, о ярком солнце, и счастливый мир открывался моему мысленному взору. Я внимала речам взрослых о золотой стране.

- В Америке можно говорить все, что думаешь!
- И не надо опасаться казаков!
- В России мы чужие, хоть родились там и схоронили предков.
- Америка – дом для всех!
- Конец тревогам о куске хлеба!
- Не будет царя, и не будет погромов!
- В Америке живи, где хочешь – в любом городе, в любой деревне, никто не запрещает!
- Водовоз наравне с миллионером!
- В Америке учатся свободно – хоть христианин, хоть еврей!

“Можно учиться – как это здорово! – думала я, - это самое главное!” И вот раздался чей-то голос: “Земля, земля!” Все, стар и млад, высыпали на палубу. Перед нами Америка – золотая страна! Мужчины принялись молиться, женщины утирали слезы, дети танцевали и пели. Что делать дальше, когда мечта сбылась?

2

Мы миновали Бродвей, потом долго шли по шумным улицам, над нами гроыхали поезда, нас толкали такие же, как и мы, иммигранты, и бедность громко кричала из каждого окна, двери, подъезда. Отец с матерью волочили узлы, распрощавшиеся благоухание третьего класса. Я озиравалась по сторонам – мусорные баки, грязные кирпичные стены домов, загроможденные тротуары, веревки с сохнувшим бельем, а улицы – словно полутемные ущелья, на асфальтовом дне которых возились бледные дети. Где американские просторы, зеленые поля, где золотая страна моей мечты? Первые пятнышки сомнения выступили на белизне грез.

“Здесь ваш дом с отдельными комнатами, как во дворце!” – сказал отцу с матерью Гедаля Миндл. “Темно! А где солнце в Америке?” – спросила мать. Наш добровольный покровитель мистер Миндл немедленно зажег газ, продемонстрировав дикарям, как сумрак легко превращается в царство света. “В Америке не нужны ни свечи, ни керосиновые лампы!” - пояснил бывший водовоз.

Прошло совсем немного лет, и нужда привела меня на швейную фабрику. По утрам матери жаль было будить меня, но делать нечего – надо идти. Я с отвращением приближалась к воротам монстра. В чреве его скрежетали и шипели машины, колеса, ремни. Я входила, и шквал шума обрушивался мне на голову. Неужели юность моя обречена на никчемное прозябание? Я хотела учиться, а должна сидеть, согнувшись в три погибели, над петлями и пуговицами. Я мечтала читать и сочинять, но тупой монотонный труд душит и отнимает силы.

Я думала о своих товарках – девушках и замужних женщинах. Сознают ли они свое рабство? Когда восстанут против лязга железа и бездушия хозяина? Они довольны своим существованием? Почему я слышу порой шутки и смех в обеденный час? Бодрячество – оно от страха!

- Вот ваш чай! – подала мне кружку Ита.
- Спасибо, Ита, я не хочу.
- Поешьте чего-нибудь!
- Еда не лезет в горло.

- Случилось что-нибудь в семье?
- Нет. Но мне тошно. Я мечтала в Америке стать человеком, а что вышло?
- Что вышло?
- Только на руки мои есть спрос, а сердце и голова никому не нужны! Я не могу вынести это!
- В наших головах нет знаний, мы не родились тут и мало учились.
- Ш-ш-ш! Хозяин идет! – раздался предостерегающий шепот.

Вошел человек с крупным носом, толстыми губами, маленькими глазками. Он оглядел притихших работников, не ожидавших хороших новостей. Достал из кармана часы на цепочке, посмотрел на них, закрыл крышку, убрал обратно. “Женщины! Я буду краток, ибо время – деньги. На других фабриках дела идут вяло, увольняют людей. Я могу их нанять, и они будут рады заработать половину того, что имеете вы. Но я не таков и всегда забочусь о своих. Тем не менее с сегодняшнего дня я уменьшаю расценки – вместо семидесяти пяти центов за дюжину рубашек я буду платить пятьдесят центов. При этом вы можете работать сверхурочно и ничего не потеряете. Это все.”

Хозяин ушел. Воцарилась тишина. Потом послышались голоса, ропот.

- Кровопийца! Как я накормлю моих деток? – всхлипнула Белла Рифкина.
- Почему мы позволяем себя душить?
- На двадцать пять центов меньше – как мы сможем жить?
- Почему никто не протестует?
- В России было лучше?
- Но мы же в Америке!
- Что мы можем сделать? Наша жизнь в их руках!
- Я пойду к хозяину и скажу ему все! – воскликнула я, и кулаки мои сжались.
- Что ты скажешь ему?
- Я спрошу, как Белла Рифкина должна кормить своих малышей?
- Долгие годы тебе! – воскликнула Белла.
- Скажи о моем больном отце – я единственная опора семьи!
- А у меня нет ни отца ни матери, а только четверо малых братьев и сестер на моей шее!

Приготовившись к свершению подвига, я решительно встала и направилась к нашему тирану. Я не чувствовала страха, во мне бушевало пламя гнева за тысячи иммигрантов, угнетенных и обманутых Америкой.

Я смело вошла в контору хозяина. Он удивленно поднял на меня глаза. Боясь растерять пыл, я начала сразу с главного.

- Пятьдесят центов – и мы умрем с голоду!
- Желторотая! – бесцеремонно прервал меня шкуродер-благодетель.
- Вы, еврей, вырываете кусок хлеба изо рта другого еврея!
- Я их кормлю и от них же слышу упреки!
- Вы когда-нибудь были рабом машины и невольником хозяина?
- Только заговорят по-английски и сразу наглеют!
- За вашу зарплату женщины не прокормят малых детей и больных стариков!
- Вот так новости – мои работницы будут учить меня бизнесу!
- Я пришла не учить, а требовать справедливости!
- Черт побери! Мне не нужны слишком умные. Вон с моей фабрики! Вон!

Оглушенная, беспомощная, с разбитым сердцем я вышла к ожидавшим меня женщинам. Мой жалкий вид был лучшим ответом на их немые вопросы. “Он уволил меня...” Никто не пошевелился. “Вы еще здесь? – взревел вошедший хозяин, - убирайтесь отсюда. Болтунам не

место у меня. Прошу вынести ее машину из зала.” Я уходила, окруженная молчанием. Никто не осмелился заговорить со мной, не решился протянуть руку.

Незванные слезы жгли щеки. Я думала, мы едины, и плакала о своей ошибке. Страх лишиться куска хлеба сильнее человечности. “Что правит этими женщинами – чувства людей или законы зверей?”

Высохла влага на лице. Рассудительность потеснила гнев. Разве для Беллы Рифкиной жизнь детей не дороже достоинства? Но о такой ли Америке она мечтала?

Я услышала быстрые шаги позади. Ита догоняла меня. “У тебя золотое сердце, - выпалила она, - мы не вступились, прости, мы дорожим своим местом... я приду к тебе, я сделаю все, что смогу... Я бегу назад, я не могу отсутствовать долго...”

Неудача оглушила меня. Казалось, я погрузилась в какую-то черную вязкую массу, она облепила руки и ноги, остановила мысли и язык. Где я? В золотой стране? Как ужасно крушение надежд! Неужели меня и еще многих и многих ничего не ждет, кроме монотонной фабричной работы и вечного страха неугодить хозяину? Я вспомнила, как отец мой читал вслух письмо, и жители местечка жадно внимали, и в глазах их горела древняя вера в лучшую судьбу, и они продавали последнее, чтобы очутиться на этой земле. И вот обман? Нет, такого быть не должно!

Я шла, не разбирая дороги. Вдруг за спиной раздался грохот. Что-то толкнуло меня. Я упала. Сильная боль в голове. Потом все стихло, свет в глазах пропал, и больше я ничего не помнила.

Я очнулась от забвения, и первой способностью, вернувшейся ко мне, была страсть грезить наяву. Мне открылось чудное зеленое поле, всё в цветах, и мы с подругами перебежали вприпрыжку от дерева к дереву, и смеялись и говорили о чем-то, и сердца наши пели. Мы возвращались домой с уроков, ранцы с книжками и тетрадками за спиной. Я училась в школе в самом лучшем городе золотой страны. Я стану образованной, я отдам людям силы моей души. Мои мечты сбылись, и разве возможно счастье больше этого?

- Тебе лучше! - узнала я голос Иты.
- Где я?
- Ты в больнице. Тебе повезло – у тебя целы руки и ноги.
- Что случилось со мной?
- Автомобиль сбил тебя. Ты скоро сможешь вернуться на фабрику к машине. Ты умелая.
- На фабрику к машине? Я не хочу возвращаться в ад!
- Когда ты научишься принимать жизнь такой, какая она есть?
- Не знаю, научусь ли...
- В России ты мечтала убежать в Америку, а отсюда куда ты пойдешь?
- Да, там были казаки, нищета и гнет. Но и в Америке я не хочу кабалы!
- Зачем так много думать и грызть себя изнутри? Не лучше ли успокоиться и жить просто?
- Я не в силах выбросить идеалы. Я должна учиться, это желание сильнее любого голода!
- У меня идея! Есть школа для иммигрантов. Знакомая мне девушка учится там.
- Где? Говори скорей!
- Я узнаю для тебя.

Тут появилась больничная сестра и объявила, что время Иты истекло, другая посетительница ожидает очереди. Вошла мать, бросилась целовать меня.

- Ой-вей, я полжизни потеряла от страха! Как это произошло?
- Не помню. Я быстро поправляюсь, вернусь домой и пойду работать.
- Не говори про работу! Округлись прежде – ты худая, как щепка!
- Но мне уже лучше, я почти здорова.
- Говорят, после больницы посылают в пансионат для отдыха. Хорошо бы!
- Как же вы проживете без моей зарплаты?
- Не беспокойся. После школы Дэви и Бесси работают – он продает газеты, она – леденцы.
- Да много ли это?
- Вчера они принесли мне двадцать восемь центов!

Мать старалась казаться бодрой и беззаботной, но я глядела на ее измученное лицо, и задавалась невольным вопросом – ела ли она сегодня?

Выписавшись из больницы, я направилась домой. Только я приблизилась к нашей улице, как сразу же отчетливо представила себе ожидающее меня убожество. Я решила отодвинуть час возвращения и пошла искать школу для иммигрантов, о которой мне говорила Ита.

Меня приветливо встретила красивая женщина с величественной осанкой. “Так выглядит богатая благотворительница, а не работница по найму в рабстве у хозяина!” – подумала я. Миссис Олни смотрела на меня добрыми глазами. Внимание и желание помочь выражались на ее гладком лице – чувства, которых я прежде не встречала у американцев.

- Я стремлюсь к знаниям! – такой была моя первая фраза после взаимных приветствий.
- Замечательно! Я могу предложить вам специальность машинного шитья.
- Быть швеей? О, миссис Олни, я бегу от этого!
- А как вам понравится поварское дело? Хорошая зарплата и теплое отношение хозяев.
- Я приехала в Америку не для того, чтобы стать кухаркой!
- А что вас интересует? – полюбопытствовала миссис Олни.
- Я должна научиться хорошо выражать свои идеи!
- О, это замечательно! Какого рода эти идеи?
- Я знаю, как сделать Америку лучше!
- Очень мило, дитя мое, что вы намерены помочь Америке...
- Да, но сейчас мне не хватает знаний!
- А не лучше ли начать с чего-нибудь практического?
- Разве задуманное мною – не практическое? Америке нужны мои руки. А мысли?
- Для размышлений требуется досуг, а ему предшествует труд.
- Разве я живу в Америке только ради заработка?
- А ради чего вы приехали?
- Я хочу воплотить в жизнь чудесные вещи, которые перевернут мир!
- Дитя мое, мы не собираемся переворачивать мир! Боюсь, это больше годится для России!
- Значит, в вашей школе...
- В нашей школе учат только профессиям! – холодно перебила меня собеседница.

“Если вы хотите совершить что-то необычайное, я думаю, вам надо поискать другое учебное заведение, сообразное вашим талантам!” – добавила миссис Олни и обратилась к своим бумагам, давая понять, что разговор окончен.

Разочарованная, я вышла на улицу. Без знаний я никогда не подниму голову, и увянут мои мечты. Останусь я швеей или стану кухаркой – я буду чувствовать себя посторонней в Америке.

Но я должна вырваться к свету! Должна! Я поняла: мне необходим настоящий американский друг! Не такой, как миссис Олни. Нужен человек, который станет с интересом слушать меня, и идеи мои не покажутся ему чуждыми.

Когда я приблизилась к дому, я с ужасом увидела на тротуаре сваленные в кучу наши домашние вещи. Посреди узлов и мебели стояла моя мать и, не обращая внимания на толпу, зажигала субботние свечи и произносила благословение. Я все поняла. Без моей зарплаты не хватило денег погасить долг домохозяйину, и он выставил нас на улицу. Сейчас, в канун субботы, отец молился в синагоге, а мать наперекор судьбе совершала вековечную церемонию. Негасимая вера моего народа сияла в упрямом пламени заповеданного огня вызовом бездушной Америке.

“Мама!” – вскрикнула я. Мне навстречу кинулись Дэви и Бесси. Обнявшись, мы стояли вчетвером посреди свалки домашних вещей и отводили глаза от сочувствующих взглядов людей.

Соседка пригласила нас на субботний ужин. Мрачные, мы сидели за покрытым белой скатертью столом. Раздался стук в дверь. Вошла леди из Общества социального милосердия, и последовали вопросы.

- Нам стало известно, что вас выселили. Что случилось?
- Ой-вей, как горько на сердце! – простонала мать, а отец потупил глаза долу.
- Как долго вы живете в Америке? Где вы родились? – блокнот и карандаш были наготове.
- Какая разница, где мы родились? – пробурчала мать.
- Как давно вы в Америке? – повторила вопрос леди.
- Зачем это вам? – бросила соседка и вышла в другую комнату, чтобы не видеть наш позор.
- Здесь может кто-нибудь отвечать на вопросы? – спросила леди на идиш.
- Проклятие Гедалье Миндлу! – взорвалась мать, - там мы были людьми, а здесь – мусор!
- Ради Бога, я прошу прямых ответов!
- Эта страна без Бога! Даже кошек и собак не выбрасывают на улицу! – добавила мать.
- Может быть, вы готовы ответить? – обратилась ко мне леди.
- Какое вам дело до нас? – выпалила я.
- Вы обижены, но зачем так грубо? Наше Общество хочет вам помочь.
- К черту вашу помощь! Я уже не больна и сама помогу семье!

Отчасти я признала свое поражение. Назавтра я отправилась на фабрику на ту же зарплату и к тому же хозяину, перед которым пришлось повиниться. Я сказала себе, что фабрика не задавит меня, она поработит только тело, но душа моя ей недоступна. Пусть сейчас я кажусь жалким червячком, но я еще пробью себе дорогу к свету!

Как-то раз в обеденное время, когда я сидела с томиком стихов Шелли, ко мне подбежала Ита. “Слыхали новость? Мы получаем электрические машины и надбавку к зарплате!” Я подумала, не сказка ли это – улучшения в бессердечной Америке? Но нет, это было правдой. Постепенно многое изменилось в нашу пользу. И даже хозяин пришел другой, лучше прежнего. Но самое главное – сократился рабочий день. Теперь у меня оставались силы и время на учебу в вечерней школе. Кажется, Америка впервые подмигнула мне.

Я поступила в литературный класс. Курс начался с изучения Аддисона. Преисполненная рвения к новым знаниям, я жадно читала, впитывала каждую строку, открывала новое для себя. Но

вскоре энтузиазм мой стал убывать. Я узнавала о людях, умерших два века тому назад. Я думала о том, что они дышали другим воздухом, и мир их был иным, и понятия чужими.

Через месяц занятий в классе осталось четыре человека. Остальные тридцать бросили школу. “Вы знаете, почему девушки не хотят продолжать учиться? – спросила я преподавательницу, – потому что обветшалая премудрость Аддисона никому сейчас не интересна, – ответила я сама, – мы, четыре дуры, сами не знаем, зачем продолжаем корпеть над этой древностью, лучше читать газеты – много чуши, но есть жизнь!” Наставница побледнела от гнева. “Мы даем вам классику! Если вы считаете нашу программу ошибочной, можете высказать ваши претензии Министерству просвещения!” Я не последовала совету, но охладела к Шелли и Аддисону.

Я делала еще несколько попыток учиться в других школах. И нигде я не приживалась, и не один курс не закончила. Мне все казалось – и я не хотела с этим мириться – что учителя интересовались учениками не больше, чем партами, за которыми те сидели. Жажда знаний и любовь к наставнику – вещи разные. Так покалебалась моя вера в американское образование.

Я вновь затосковала о друге. О, мне так нужен настоящий американский друг, который услышит голос моего сердца!

Однажды младшая сестра Бесси поделилась со мной – она без ума от своей новой учительницы. “Миссис Лэйтан такая особенная! Она рассказывает нам на уроке интереснейшие вещи. Она настоящий человек!” Другой раз Бесси сказала, что миссис Лэйтан задала на дом сочинение и просила учеников не пользоваться никакими книжками, а придумать все из головы. Учительница считает, что не чужая мысль, а собственное сердце должно направлять перо.

Бесси показала мне стихотворение, которое миссис Лэйтан задала учить наизусть. Это был Киплинг: “...И никого тогда не прельстит ни денег ни славы звон, только радость работы на Новой Звезде...” Ведь это про меня! Да, это обо мне и о моей Америке! Я позавидовала Бесси – учатся у тех, кого любят. Меня неотвратимо тянуло к миссис Лэйтан. Как хорошо было бы познакомиться с этим человеком! Может, она станет мне другом? Но как решиться на этот необычный шаг? И под каким предлогом? Чувство подсказывало мне, что поворот к добру ожидает меня. И я одолела робость и пошла в школу, где училась Бесси.

Женщина средних лет, Миссис Лэйтан сидела за столом в учительской комнате, где кроме нее никого не было, и проверяла тетради. Я тихо вошла и расположилась поблизости. Она заметила меня, приветливо улыбнулась. Я представилась.

- Подходите, садитесь рядом. Вы хотите сказать мне что-нибудь? – спросила учительница.
- Я чувствую, вы можете помочь мне, – сказала я.
- Мне бы этого хотелось.
- Бесси мне много рассказывала о вас...
- Интересно! – ее дружеский тон поощрял меня продолжать разговор.
- Я поняла, что могу обсуждать с вами вещи, которые волнуют меня!
- Говорите, я слушаю.
- Мне кажется, американцев не заботит, что на сердце у иммигранта... – смело начала я.
- Продолжайте, пожалуйста!
- Я мечтаю найти человека, который смотрел бы мне в душу и понимал ее...
- Возможно, вы уже нашли его!
- Я потерялась в этом мире. Жизнь непонятна мне...
- Что вы имеете в виду?
- Я ненавижу, когда хочу любить, я возбуждаю ненависть, когда жду любви...

- О, я понимаю ваши чувства! – заметила она в ответ на мою не слишком связную речь.
- Я зыдыхаюсь. Другие девушки умеют радоваться, а я – лишь мучаю себя мыслями...
- Хорошо, что вы пришли. И вы можете помочь мне.
- Я могу помочь вам? – изумилась я.
- С вашей помощью я сумею лучше понять мир и душу иммигрантов.

Я рассказала миссис Лэйтан о своей жизни в Российской империи. О погромах, о вечном страхе, о казаках, о царских указах, вырывающих хлеб изо рта, о Гедалье Миндле, о моих мечтах об Америке и моем разочаровании в золотой стране. Она оказалась внимательной и сочувствующей слушательницей, каких мне прежде не доводилось встречать. Я была смущена своей откровенностью.

- Вы думаете, я слишком погружена в себя? – спросила я.
- Мне кажется, вы очень впечатлительны.
- Я ненавижу себя такой, но что я могу поделать?
- Не воюйте с собой!
- Я постараюсь.
- Наш американский индивидуализм ранит вас из-за вашей незащищенности – это пройдет!
- Кто поможет мне?
- Вам не с кем было говорить, а сейчас у вас есть человек. Приходите ко мне в любое время!
- А вы родились в Америке? – смело спросила я.
- Да! Моя семья – потомки отцов-основателей!
- Я всего-навсего иммигрантка, но с вами мне так просто говорить, миссис Лэйтан!
- Разве отцы-основатели не были иммигрантами на этой земле?

“Мои предки говорили, что каждое поколение искало для себя Америку, и открывая ее, оно создавало эту страну!” – сказала она. “И наш путь должен быть таким же!” – воскликнула я. Она раскрыла объятия, привлекла меня к себе.

Я уходила от миссис Лэйтан, и сердце мое ликовало. Какое счастье, что я не изменила себе, не погрузилась целиком в житейское море, но упрямо держала голову над водой и хватала ртом воздух мечты! И вот награда пришла. Я больше не одинока. Я нашла друга. Я открыла свою Америку!

Обложка: кадр из фильма “Голодные сердца”, 1922